

Под небом Парижа

Автор:

Дана Делон

Под небом Парижа

Дана Делон

Как так получилось, что я влюбилась в него? Почему из семи миллиардов людей на этой планете именно он? Порой эти вопросы сводят меня с ума. И заодно мне хочется свести с ума его.

Знакомьтесь – Александр дю Монреаль, мой сводный брат.

Между нами разница в пятнадцать лет, и он мне не пара... Вот только мое сердце не слышит доводов рассудка.

Гордость или любовь? Разум или чувства? Я или ты?

Кто кого, Алекс?

Дана Делон

Под небом Парижа

Вилене, огромное спасибо за твои крутые идеи, за прекрасное название этой книги и за твою любовь к моим персонажам. Без тебя я бы не справилась. Крепко обнимаю.

Иллюстрации в блоке Варвары Железновой (@icequeeen.art)

© Дана Делон, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Плейлист

THE WEEKND – «Often (Kygo remix)»

Maribou State feat Holly Walker – «Tongue»

Redd Carter – «The Side of Heaven»

Flora Cash – «You're somebody else»

Kailee Morgue – «Siren»

Jaira Burns – «Goddess»

Fletcher & Kito – «Bitter (feat. Trevor Daniel)»

SAINT JHN & Janelle Kroll – «Lust»

Two Fee – «Go Fuck Yourself»

Bryson Tiller – «Broken Record ft. The Weeknd»

Two Feet – «I Feel Like I'm Drowning»

Hurts – «Somebody»

Michele Morrone – «Drink Me»

Chase Atlantic – «Swim»

Jaymes Young – «Infinity»

Пролог

Ночь спустилась на город огней, и в этой ночи во всем великолепии горит башня, компанию ей составляют многочисленные фонари. Теплый вечерний воздух обдувает лицо, и я закрываю глаза. Здесь шумно, гул голосов и смех заполняют мою голову, а снизу с Елисейских Полей доносятся звуки машин. Антуан, мой отчим, решил отпраздновать юбилей моей мамы в панорамном ресторане MUN.

Здесь только наша семья: одно из правил пандемии – сократить свои контакты и встречи с посторонними людьми. Но нам это не мешает наслаждаться вечером. Это место покоряет открывающимся обзором: Париж как на ладони, башня и вид на одну из самых красивых улиц мира. Романтика, эстетика, даже что-то притягательное и сексуальное чувствуется вокруг. Кухня здесь азиатская, винная карта и коктейли, как это принято в таких местах, – на уровне. Я знаю все досконально, потому что сама предложила это место для вечеринки. Оно не туристическое, скорее идеально подходит для светского мероприятия или дня рождения моей мамы, любительницы роскоши и красоты. А еще это место идеально подходит для романтиков: разве можно смотреть на такую панораму и не жаждать любви?

Париж по праву считается городом любви. Он – тот самый мужчина-ловелас, этакий Казанова. Влюбляет в себя каждой улочкой, каждым зданием. Он умело играет с женскими сердцами. Нахальный, смешливый и такой беззаботный. Ты

можешь из всех сил сопротивляться, набивать себе цену и вертеть носом, гнусаво повторяя: «Jamais!»[1 - Никогда! (фр.)]. Но этот город все равно не оставит тебе шанса. Париж вытащит козырь – вот такой вид... И ты падешь, как пали все до тебя. Тебе захочется иметь рядом того самого человека, которого можно крепко обнять и сладко поцеловать. Того самого, кому ты захочешь рассказать о сокровенном и с кем сможешь мечтать. Грезить, летать в облаках и купаться в любви.

Я открываю глаза и отворачиваюсь от этого вида. Ищу глазами того самого человека. Он стоит рядом с моим отчимом. Густые светлые волосы в легком беспорядке. Голубые глаза сосредоточены, губы сжаты в тонкую линию. Он снял пиджак и подвернул рукава белой рубашки. На руках выступают вены, на запястье поблескивают красивые, элегантные мужские часы. Он внимательно слушает отца, периодически хмурится. Что-то вставляет. Мне кажется, они спорят. У него в руках бокал с нетронутым шампанским. И он возвращает его на поднос проходящего мимо официанта, не сделав даже глотка.

Я продолжаю его разглядывать: вокруг глаз у него появились мелкие морщинки, но они очень идут ему. Морщинки, смешинки. Ощущение, что глаза улыбаются, хотя я знаю, что это не так. Я опускаю взгляд на его шею. На красивую мужскую шею, с немного выпирающим кадыком. Его кожа кажется загорелой на фоне белой рубашки. И все, что мне хочется сделать, это подойти и крепко его обнять. Он чувствует мой назойливый взгляд, и мы с ним встречаемся глазами. Его кристально-голубые и мои темно-зеленые. Кто первый отведет взгляд? Кто первый смутится? Кто первый сделает вид, что наша игра в гляделки ничего не значит? Я выпрямляю спину и продолжаю нахально смотреть на него. «Нравится то, что видишь?» – спрашивает мой взгляд. Он продолжает смотреть. Я хочу заметить в его глазах заинтересованность или хотя бы намек на комплимент. Но он словно робот. Не демонстрирует никаких чувств. Я знаю, что выгляжу притягательно. На мне черный пиджак, а под ним – ничего. Лишь золотая монетка на тоненькой цепочке украшает ложбинку груди. Та грань, когда все еще не вульгарно, но чертовски соблазнительно. Сексуально. Но в его взгляде пусто... Проходит еще секунд пять, и он отворачивается. Он не выдал ни единой эмоции. Несокрушимое равнодушие, которое ударяет по моему эго вновь и вновь. Знакомьтесь: Александр дю Монреаль. Мой сводный брат. Он старше меня на пятнадцать лет. И не дает мне забыть об этом. Бесчувственный робот, в словаре которого нет слов «любовь» и «привязанность». Зато есть слово «страсть». И я планирую напомнить ему об этом.

Глава 1

Я люблю возвращаться в Париж. Каждый город, в котором я жила, меркнет по сравнению с ним. Нью-Йорк слишком большой и лишен всякого шарма, по крайней мере для меня. Лондон тоже большой и слишком серый. Женева слишком маленькая и чересчур чистая. Рим слишком яркий и чересчур шумный. И лишь в Париже все идеально. Серость, шум, яркость, размер, эстетика. Всего вдоволь, все на своих местах.

Частный самолет моего отчима подлетает к аэропорту Ле-Бурже, и я не могу унять волнение в груди. Три года... Я не была дома три года. У меня будто есть некая традиция уезжать на пару месяцев и возвращаться спустя несколько лет. В пятнадцать я уехала со своей сводной сестрой в Индию, затем нас занесло в швейцарскую частную школу, и лишь спустя два года мы наконец вернулись с ней во Францию. Но для меня – ненадолго. В восемнадцать я уехала в Англию, если быть точнее, в Оксфорд, где поступила в один из лучших мировых университетов на международное право. Сейчас я обладатель диплома бакалавра и возвращаюсь домой, чтобы... Чтобы не знаю что. По-хорошему, надо поступать в магистратуру, но я так устала учиться, что мне хочется сделать передышку и через год взяться за гранит науки с новыми силами и искренним рвением. К тому же я слишком долго не была дома. Никогда не думала, что тоска может быть столь сильной.

– Мадемуазель, мы приземлились, – вежливым тоном и с учтивой улыбкой сообщает мне стюардесса. Она в маске и перчатках. Я тоже натягиваю свою и делаю шумный вдох: привет, новая реальность!

– Благодарю, – глухо, сквозь ткань.

Я беру свою сумочку и направляюсь к выходу. Мой багаж уже грузят в машину. Сверкающий «Мерседес» стоит прямо около самолета, об него облокотился отчим с букетом белых роз. Мама рядом с ним нет, уверена, она и не подумала о том, чтобы меня встретить. Зато Антуан со сверкающей улыбкой крепко обнимает меня.

– Ну наконец-то! Сколько можно жить в этой Британии, пока я умираю здесь от скуки?

Мама вышла за него, когда мне было двенадцать лет. Он никогда не просил, чтобы я называла его папой. Никогда не воспитывал и не был со мной строг. Антуан всегда оставался моим другом и человеком, который поддержит любую мою идею, любое начинание.

– Только не говори, что без меня тебе было скучно, – отзываюсь я и не могу подавить улыбку. Так рада видеть его.

– Без тебя этот город потерял все краски! – тут же отвечает он и открывает мне дверцу машины. – Прыгай, Эстель меня замучила сообщениями. Ждет тебя. Но я специально не взял ее с собой – хотел быть твоим единственным встречающим!

Я забираюсь на заднее сиденье, снимаю маску и достаю из кармана антисептик. В салоне автомобиля появляется запах спирта. Антуан садится рядом и рассматривает мое лицо.

– Прекрасно выглядишь, Марион, – резюмирует он и добавляет, обращаясь к водителю: – Поехали, Тибо.

Машина трогается с места, а Антуан продолжает рассматривать меня.

– Как там на границе? Не сильно тебя мучили?

– Ты прислал за мной самолет... Мне даже не проверили температуру. Я передала копию французского паспорта стюардессе и копию своего теста, сделанного еще вчера. На этом все.

– Ну и славно!

– Наверное, нужно будет сдать тест и по прибытии.

– Позвоню нашему врачу, он возьмет у тебя все необходимые анализы.

– Спасибо...

– О дивный новый мир, – со смешком говорит Антуан, и я закатываю глаза.

– Давай сменим тему, я уже слышать не могу об этом вирусе.

– Полностью согласен. Ну, рассказывай, какие планы? Надолго ли ты к нам? Подала уже на магистратуру?

Все, что нужно знать обо мне: я практически никогда не делюсь своими планами, не спрашиваю советов и не веду бессмысленные беседы а-ля что мне делать со своей жизнью. Я всегда точно знаю, чего я хочу и как этого добиться. Поэтому моя семья чаще всего узнает о свершившемся постфактум.

– Никаких. Этот год я отдыхаю от учебы. Скорее хочу устроиться стажером, набраться опыта работы, понять, как использовать полученные знания на практике. И разобраться, нравится ли мне это вообще. Если нет, то на мастера[2] – Во французской системе высшего образования существуют три ступени: лисанс (бакалавриат), степень мастера (магистратура) и степень доктора (аспирантура). Существуют и другие уровни, в зависимости от особенностей обучения в профессиональной сфере. (Прим. ред.)] я поступлю в какую-нибудь другую сферу.

Антуан одобрительно кивает:

– Правильно, опыт работы очень важен. Алексу в офис как раз требуются новые сотрудники. Думаю, он с радостью возьмет тебя на стажировку.

При упоминании его имени я покрываюсь мурашками. Ненавижу себя за собственную реакцию. Сцепляю руки в замок, старясь скрыть нервозность.

– Не нужно говорить Алексу. Я хочу сама найти фирму.

– Что за глупости? Какую фирму ты будешь искать? У нас есть правовой отдел. Там и наберешься опыта. Если хочешь в другой отдел – будешь набираться опыта там. Все, что твоей душе угодно!

– Я не уверена, что хочу оставаться в Париже.

Антуан хмурится, сжимает губы в тонкую линию.

– Надоело... – тихо выдыхает он, – надоело, что ты постоянно где-то. Даже на Рождество не приезжаешь. Это никуда не годится.

Мой отчим из тех, кто чтит семейные традиции. Он из тех, кто устраивает семейные ужины, посиделки, поездки. Семья для него всегда на первом месте.

– Ты же знаешь, что мой дом – это твой дом, Марион? – Он смотрит мне прямо в глаза. – Ты моя дочь. Такая же, как Эстель. Ты же это знаешь?

В его взгляде плещется сожаление, будто он винит себя в том, что я не хочу оставаться, и мне становится стыдно.

– Я знаю, и у меня никогда не было никаких сомнений в этом, – честно отзываюсь я. Это чистая правда, я дочь Антуана дю Монреалья, который в мои двенадцать лет стал для меня хорошим другом. Хоть я и ношу другую фамилию, но мой отец – именно он.

– Ну так оставайся... Ситуация в мире сейчас нестабильная. Экономический кризис, пандемия, в конце концов. Не время уезжать.

– Я подумаю...

Он берет меня за руку и крепко сжимает.

– Подумай, моя дорогая. Подумай. Мы очень скучаем по тебе.

Я отворачиваюсь к окну. В горле стоит ком, ведь я тоже дико соскучилась по ним всем. Но есть один человек, видеть которого я не хочу до конца своей жизни. И этот человек – часть нашей семьи. От этого не убежать и никуда не деться. Разве что в другую страну, где нет ни семьи, ни его. И вот три года я оставалась вдали. Больше не могу. Слишком сложно так долго находиться далеко от дома.

Мы проезжаем мимо мостов, набережной и Эйфелевой башни. Какая же красота, как же прекрасен этот город! И как же сильно я скучала по этим улицам.

Водитель останавливается у нашего дома, учтиво открывает мне дверь, затем вытаскивает чемодан из багажника.

– Спасибо, – благодарю я, и он вежливо улыбается.

– Добро пожаловать домой, мадемуазель.

Я делаю глубокий вдох – в воздухе пахнет мокрым асфальтом после дождя. Свежесть заполняет легкие. Я окидываю взглядом здание перед собой, которое стало моим домом с двенадцати лет. Оно ни капельки не изменилось. Впрочем, это Париж. Здесь крайне редко что-то меняется.

– Вам помочь с багажом?

Я бросаю взгляд на свой маленький чемодан на колесиках.

– Нет-нет, он практически пустой.

Услышав это, Антуан хмурится.

– Давай, Марион, пошли в дом.

Я тяну за собой чемодан, мы заходим в лифт и поднимаемся на последний, шестой этаж.

Когда барон Осман делал проект по реконструкции Парижа, они с Наполеоном решили, что шесть-семь этажей – это максимальная высота зданий. Они хотели, чтобы город выглядел гармонично и элегантно. Им это удалось. Крайне редко в Париже встретишь здание выше, поэтому все они так пропорционально смотрятся друг с другом. Лифт останавливается на шестом этаже, Антуан, будучи истинным джентльменом, забирает у меня багаж и приоткрывает передо мной дверь лифта. Входная дверь квартиры резко открывается, и неожиданно на меня налетает с объятиями Эстель – моя сводная сестра.

– Ну наконец-то!!! – пищит она на всю лестничную площадку. Повезло, что здесь только одна квартира – наша. – Я так скучала по тебе, засранка!

Она так крепко обнимает меня, что у меня начинают болеть плечи. В глазах стоят непрошенные слезы. Я тоже сильно соскучилась по ней.

– Давайте, заходите, – посмеиваясь, торопит нас Антуан. Эль хватает меня за руку и тащит внутрь.

– Дай помыть руки! – возмущаюсь я и бегу в ванную в коридоре. Эль следует за мной.

– Господи, неужели ты правда здесь! Три года, Марион! Как ты могла уехать на три года!

– Не говори так, словно эти три года мы вовсе не виделись. Этой зимой кто-то навестил меня в Оксфорде, – решаю пошутить я, и она меряет меня взглядом.

– Еще бы, если бы я не приезжала к тебе, то мы бы вообще не виделись!

Мы выходим в коридор, и я качаю головой.

– Неправда...

– Правда!

– Девочки, не спорьте, – вмешивается моя мама и точно так же, как и Эль, набрасывается на меня с явным намерением задушить на радостях.

– Марион, ты совсем обнаглела! – причитает мама и крепче стискивает меня в объятиях. – Разве можно не приезжать домой столько лет? Как ты вообще до такого додумалась?

– Мам, не начинай, – прошу я и тоже обнимаю ее в ответ. Каждый наш телефонный разговор заканчивался этими словами. Она так отчаянно пыталась заставить меня вернуться, что мне становилось не по себе. Вначале мама мило и по-доброму уговаривала, спустя какое-то время начала злиться, и на смену уговорам в конечном итоге пришли угрозы и ультиматумы. Но ничего из этого не сработало. Лишь в конце этого учебного года я поняла, что выжата как лимон и что мне необходимо приехать домой. Сдерживать тоску уже было невозможно.

Семья. Всего одно слово, но как многое скрывается за ним.

– Ты так похудела, – оглядывая меня, замечает мама, – вся осунулась и выглядишь уставшей.

– Не начинай, Мари, – перебивает ее Антуан. – Выглядишь восхитительно! – тут же добавляет он, поворачиваясь ко мне.

Но я знаю, что это не так. Круги под глазами почти черные, цвет лица серый. На мне черная толстовка и широкие штаны, а на ногах кеды, которые я тут же снимаю и ставлю в самый угол обувницы, чтобы они не сильно бросались в глаза. Эстель тоже смотрит на меня с беспокойством. Она знает, что толстовки я ношу, только когда мой моральный дух опускается на самое дно. А кеды на мне, наверное, и вовсе увидела впервые.

– Я пойду прилягу – правда устала, – произношу я, чувствуя, насколько опустошена после перелета и такого бурного приветствия.

– Конечно-конечно. – Антуан отступает, позволяя мне пройти. Мама хочет что-то сказать, но он останавливает ее и жестом показывает «тихо». Я благодарна ему за чуткость.

– Я с тобой! – тут же вмешивается Эль и берет меня под руку. Ее Антуан даже при всем желании не сможет удержать, о чем прекрасно знает и поэтому даже не пытается.

Мы проходим в мою комнату, я оставляю чемодан прямо у двери и, не раздеваясь, падаю на кровать. В комнате чисто, пахнет свежим бельем, а на прикроватном столике в вазе стоят чудесные пионы. Здесь ничего не изменилось. Все мои вещи лежат так, как я их оставила. На стенах фотографии и постеры. В комнате все на месте. Будто я и не уезжала. Только не хватает моего вечного беспорядка, хаотически возникающего то в углу комнаты, то на столе, то в платяном шкафу. Но совсем скоро и это изменится. Мне нужен один вечер.

Я делаю глубокий вдох. Так приятно находиться дома... На глазах выступают слезы, и я зажимаюсь.

– Что с тобой, Мар? – Эстель ложится рядом со мной. Ее светлые волосы рассыпаются по подушке рядом с моими каштановыми.

– Устала, – честно признаюсь я, – учеба – это ад на земле. Особенно учеба в Оксфорде.

– Тогда стоит порадоваться тому, что это позади!

– Ага...

– Ты же не планируешь поступать там на магистратуру? Ты же не бросишь меня снова?

Я слышу недовольство в голосе Эль и не могу винить ее за это. Три года назад я просто уехала, так как нуждалась в том, чтобы побыть одной. Но мы с Эль больше чем сводные сестры, мы лучшие подруги. Она самый близкий человек в моей жизни. А я так резко уехала и так долго не возвращалась. У нее есть все основания злиться.

– У меня пока нет никаких планов, – уклончиво отвечаю я.

– А как там твой парень?

– Какой из них?

Эстель усмехается:

– Тот блондинчик.

– Они все блондины, Эстель... – Я замолкаю, но, встретившись с ее взглядом, честно признаюсь: – Порой мне кажется, что я ищу замену... И получаю копию, которая никогда не сравнится с оригиналом.

Она молчит, а затем находит мою руку и крепко сжимает.

– Он сегодня вечером будет здесь. Поэтому будь готова.

Я закрываю глаза, и в голове вспыхивает его образ. Стараюсь скрыться от него, но он настигает меня вновь и вновь. Волнение накрывает меня, и я чувствую, что начинаю сильно нервничать.

– Я не хочу его видеть. – Знаю, что звучу по-детски капризно, но не могу сдержать этот порыв.

– Он все равно придет. Тебе придется его увидеть, рано или поздно, – тихо шепчет Эстель у меня над ухом.

– Лучше поздно.

– Три года, Марион. Это и есть поздно...

* * *

– Марион, месье Арно прибыл, чтобы взять у тебя мазок! – доносятся до нас крики моей мамы. Я встаю с постели.

– Пойду сдам тест.

– А я пойду посмотрю, что готовят на ужин, – отзывается Эль.

Я прохожу в зал. Месье Арно на вид лет пятьдесят. Он стоит перед камином и, жестикулируя руками, рассказывает Антуану о последствиях этого вируса.

– Уж лучше не болейте! – заканчивает он свою страшилку и наконец обращает на меня внимание. – Здравствуйте, мадемуазель. Прошу, подойдите поближе.

– Добрый вечер, – здороваюсь я в ответ, выполняя его просьбу.

Он достает все необходимое и ловкими движениями берет у меня мазок.

– Это экспресс-тест, результаты будут быстрыми, – говорит он.

– Спасибо, что уделил нам минутку, Арно, – благодарит Антуан и провожает врача к двери.

– До свидания, – запоздало кричу я, все еще потирая нос после процедуры.

В честь моего приезда родители, конечно, решили устроить семейный ужин. Я прохожу в столовую и наблюдаю за приготовлениями. На стол постелили сверкающую белую скатерть и выставили старинный сервиз, доставшийся Антуану от прапрабабушки. Он любит шутить, что этими тарелками пользовались Александр Дюма, Виктор Гюго, Жюль Верн и, конечно, Бальзак.

«Эта дама любила званые вечера и литературу!» – как-то сказал мне отчим, а потом отвел в библиотеку и показал книги тех самых писателей. В детстве я любила пользоваться данным сервизом. Я зачитывалась этими книгами, и мне хотелось оказаться хоть капельку ближе к их авторам. Пить чай из чашки, которую, возможно, держал в руках сам Жюль Верн! Чем не магия?

Я смотрю, как домработница аккуратно расставляет тарелки, и в груди разливается теплое чувство – смесь благодарности и любви.

– Мой любимый сервиз, – бормочу я, и Антуан довольно улыбается.

– Конечно! Какой же еще! Давайте, садитесь все за стол!

– Только мы сначала переоденемся, – вставляет Эль, она тянет меня за руку в сторону моей спальни. – Пошли, Марион.

Настроения наряжаться у меня нет, но Эстель не сдается.

– Вот, смотри, какое красивое! Ярко-малиновое, ты же любишь этот цвет? – хлопая ресницами, спрашивает она.

– Сегодня точно нет. То черное, классическое – единственное, что я готова надеть, – бормочу я и достаю платье из шкафа.

– Как скажешь, – махнув рукой, говорит сестра, а сама тянется за нежно-голубым платьем.

Переодевшись, мы наконец выходим из моей спальни и направляемся в столовую. Мама уже там. И, разумеется, она подготовилась лучше нас и теперь просто сверкает в фиолетовом платье, дополненном красивой прической и идеальным макияжем.

– Надо было и тебе подкраситься, – замечает она. – Вон посмотри на Эстель. Нежно, натурально, романтично и, главное, свежо!

– Так, давайте сменим тему, а то мне тоже хочется подкраситься, как Эль. И быть свежим и романтичным. Что скажешь, Мари? – встает на мою защиту Антуан.

Мама усмехается, но, поняв его намек, тему больше не развивает. Я с благодарностью смотрю на отца, и он мне подмигивает. Порой мне кажется, что он – моя бесконечная поддержка.

– Я такое шампанское сейчас открою! – хвастается Антуан.

На столе запеченная в вине утка с овощами, и она так невероятно пахнет! Я и забыла, каково это – есть не в кафе или не заказанную на дом еду. Повар из меня неважный, приходилось довольствоваться этими вариантами.

– Подожди, не открывай шампанское. Где же Алекс? – волнуется мама. – Мы же не можем начать ужин без него.

– Еще как можем, – отзывается Эль. – Он, как всегда, опаздывает.

– Придет, и мы ему тоже нальем, – весело говорит Антуан и с громким хлопком открывает бутылку.

Я вытираю вспотевшие руки о платье и молюсь всем известным мне богам, чтобы у Алекса появились срочные дела и он не смог приехать. Но боги в этой войне явно не на моей стороне. Как раз когда Антуан заканчивает разливать шампанское и со счастливым выражением лица поднимает бокал, громко воскликнув: «Я просто счастлив, что мы наконец-то все в сборе!», в столовой появляется Алекс и со смешком заявляет:

– Так уж и все в сборе?

Я слышу его голос, и руки начинают дрожать. Стараюсь не смотреть на него. Поворачиваю голову к Эль и выдавливаю улыбку, она ободряюще улыбается в ответ.

– Ты всегда опаздываешь или вовсе не появляешься, ждать тебя нет никакого смысла, – шутливо отчитывает она своего старшего брата.

– Но вот он я! Здесь! Так что налейте и мне шампанского и принесите, пожалуйста, еще один прибор. Я пришел не один.

Я медленно поворачиваю голову. Александр стоит около камина, в деловом костюме, пуговицы рубашки небрежно расстегнуты. Он практически не изменился за эти три года. Мой сводный брат не смотрит на меня... Все его внимание направлено на стоящую рядом девушку. Она тоже в деловом костюме. Светлые волосы убраны в тугий пучок на затылке, на лице аккуратный макияж. Она симпатичная, кажется очень умной и целеустремленной. Светло-карие глаза с любопытством поглядывают на меня.

– Надеюсь, вы не против. Я сказала Алексу, что это лишнее, – произносит она. Голос у нее приятный, я бы даже сказала, красивый. Мягкий, мелодичный.

– Да ну брось... Мы так заработались сегодня. Не пообедали, не перекусили, хоть поужинаешь нормально, – тут же возражает ей Алекс.

– Да, конечно, – спасает неловкую ситуацию мама, хотя и пребывает в легком замешательстве. Алекс не приводит на семейные ужины девушек. Никогда. А еще он продолжает смотреть на нее и делает вид, что меня не существует. Это злит.

– Привет, Алекс! – первая здороваюсь я и высоко поднимаю подбородок. Мама была права, стоило хоть немного накраситься. Но я не даю неуверенности захлестнуть себя и ослепительно улыбаюсь. Я знаю, что улыбка у меня красивая. Он как-то сказал мне об этом... Три года назад. В ту самую ночь, после которой я сбежала.

– Марион, – произносит Алекс с натянутой улыбкой и кивает, – я уж думал, ты никогда не приедешь.

– Ты ошибался... – Я продолжаю улыбаться. Сердце бешено стучит в груди. Алекс поджимает губы и как-то неловко усмехается.

– Отлично выглядишь, вовсе не изменилась.

– Даже не повзрослела? – Мой голос пропитан злой иронией. Алекс прикусывает губу и опускает глаза.

– Какой была, такой и осталась.

Я сжимаю руки в кулаки, он опять избегает моего взгляда.

– Ты не представил свою девушку. Я Марион, это Эль, Антуан и Мари, – указывая на каждого из присутствующих, я называю их имена.

Девушка неловко посмеивается, за столом все неестественно замолкают.

– Мы уже знакомы. – Она небрежно пожимает плечами. – Я Натали.

В один миг я осознаю, что за три года, что меня не было, изменилось очень многое. Быть может, Алекс не впервые приводит ее на семейный ужин, а я сейчас выставила себя полной идиоткой. Я бросаю взгляд на Эль и не могу поверить, что она мне ничего не рассказала.

– Натали – секретарь Алекса, а не его девушка, – поясняет сводная сестра и под столом берет меня за руку, разжимая мои кулачки и переплетая наши пальцы.

– Личный ассистент, – поправляет ее Алекс.

– Какая, к черту, разница, – бормочет Эль и натянуто улыбается Натали.

– Глупо вышло. Прости моего брата. Мы тебя совсем не ждали, а он будто забыл о существовании мессенджеров и решил ни о чем нас не предупреждать. Но

не переживай, стол круглый, за ним еще десять человек поместятся. Ты не сильно помешала.

Алекс бросает на Эль укоризненный взгляд, но она не тушует, напротив, отвечает ему тем же.

Наша домработница приносит столовые приборы, и Антуан, подхватив бутылку шампанского, решает разбавить неловкую ситуацию.

– Садись, Натали, сейчас налью шампанского и тебе. После долгого рабочего дня с Алексом это просто то, что доктор прописал!

Девушка с благодарностью берет в руки бокал. И Алекс садится рядом с ней.

– Вот и вся семья в сборе! – радостно восклицает мама и в очередной раз за вечер крепко обнимает меня.

– И не говори, Мари. Наконец мы все под одной крышей!

Антуан поднимает бокал, мы все поступаем так же и громко чокаемся.

– С приездом, Марион! – громче всех кричит Эстель и звонко чмокает меня в щеку.

Я же смотрю Алексу в глаза. Он смотрит в мои. Я жду от него хоть слова, хоть маленького, короткого поздравления. Но он молча делает глоток шампанского и отворачивается к Натали.

– Вкусное, – замечает она, говоря о шампанском, и он ей улыбается.

– Папа знает толк в таких вещах.

Я чувствую, как внутри меня все закипает.

Эстель вновь сжимает мою руку и тихо шепчет на ухо:

– Успокойся, пожалуйста.

Но я так злюсь, что, кажется, готова перебить всю посуду на столе. Одну тарелку не мешало бы расколоть о голову Алекса. Чтобы эта отвратительная милая улыбочка исчезла с его лица.

– Аж уезжать никуда не хочется. Так приятно, когда все дома, – подает голос мама.

– А куда вы собираетесь? – спрашиваю я, отворачиваясь от сводного брата.

– Через два дня летим на какой-то закрытый остров. Антуан решил, что на земле нет лучше места, чтобы отпраздновать мой юбилей!

– Мы всего на неделю отлучимся и вернемся. Вы не успеете заскучать, – весело добавляет отчим.

– А что за остров? – интересуется Эль.

– Это секрет, – с улыбкой отвечает мама.

Она вся светится изнутри. Чувствуется, насколько сильно она ждет эту поездку. Антуан все-таки очень внимательный муж. Я так рада, что мама встретила его на своем жизненном пути.

– Так нам тебя поздравить до твоего отъезда или после? – спрашиваю я.

– После, Марион. Приеду – и с вас подарки и сюрприз. Конечно, если ты планируешь здесь задержаться, – тон ее голоса меняется. С шутливого на серьезный в одну секунду. – Какие планы, Марион? Что думаешь делать дальше? – спрашивает мама.

Антуан бросает на нее недовольный взгляд:

– Что случилось с той частью под названием «не давить»? Мы обсуждали это только перед ужином.

Мама машет на него рукой.

– Матери уже поинтересоваться нельзя, что планирует ее доченька? Когда маленькая была, с рук моих не слезала, а сейчас, вон, выросла и три года домой не приезжала!

– Зато ты ко мне приезжала, – пытаюсь успокоить ее я, так же как и Эстель. Но это не работает.

– Давай, дорогая, какие планы, что будешь делать дальше?

Натали усмехается, когда мама начинает гладить меня по голове, как маленького ребенка. Но мне ни капли не стыдно.

– Я получила диплом и теперь планирую найти работу. Хочу посмотреть, что такое реальная жизнь. Надоело изучать учебники.

– А где ты училась? – интересуется Натали.

Я замираю, но быстро беру себя в руки.

– Неужели Алекс не рассказывал обо мне? – со смешком спрашиваю я и перевожу взгляд на сводного брата. – Вообще никогда и ничего?

Алекс выдерживает мой взгляд.

– Мы с Натали общаемся исключительно по рабочим вопросам.

«Ага, именно поэтому она сейчас сидит здесь. На семейном ужине, посвященном моему возвращению», – проносится у меня в голове. Но я держу себя в руках. Мило улыбаюсь девушке и говорю:

– Я училась в Оксфорде на факультете международного права.

Натали явно не ожидала подобного. Обычно девочки из семей, как у меня, учатся в Парсонс[3 - Parsons School of Design – частная школа искусств и дизайна,

расположенная в районе Гринвич-Виллидж на Манхэттене в Нью-Йорке. Является одним из пяти колледжей новой школы. Школа была основана в 1896 году Уильямом Чейзом в поисках индивидуального художественного самовыражения. Она была первым учебным заведением в стране, предлагающим обучение в области дизайна одежды, рекламы, дизайна интерьера и графического дизайна. Школа предлагает программы бакалавриата и магистратуры. Среди выпускников Parsons много известных модельеров, фотографов, дизайнеров, иллюстраторов и художников, которые внесли значительный вклад в эти области. Школа является членом Национальной ассоциации школ искусства и дизайна и Ассоциации независимых колледжей искусства и дизайна.] где-нибудь в Штатах.

– Впечатляет, да? – звонко гремит Антуан и с гордостью посматривает на меня. – Она окончила его первой на курсе. Все три года первая в списке!

– Умница и красавица, кому же ты такая достанешься? – шутит мама и тут же заявляет: – Алекс, познакомь ее с Андре.

Я закатываю глаза: мама завела свою неизменную пластинку.

– Марион, у Алекса на работе такой Андре... ты еще спасибо скажешь!

– У Андре есть девушка, – вмешивается Натали и, неловко поджав губы, добавляет: – Не думаю, что знакомить Марион с сотрудниками – хорошая идея. Она слишком молода для любого из них.

– Я тоже так думаю, – соглашается Антуан. – Лучше поищи себе парня в своем круге.

– Какая чушь, – тут же встревает Эстель. – Сейчас разницей в возрасте никого не удивишь. Пары абсолютно разные, где-то старше мужчина, где-то – женщина. И всем плевать.

– Думаю, все же в двадцать один у тебя должен быть парень-ровесник, – решает поспорить с ней Алекс. – Например, твой парень старше тебя на два года. Идеальная разница: одинаковые интересы, ритм жизни, желания.

– Моего парня зовут Квантан[4 - Квантан Делион – персонаж книги Даны Делон «Падающая звезда» (АСТ, 2019).], – сквозь зубы цедит Эль. – И спустя три года можно было бы уже произнести его имя вслух.

– Мы не будем сейчас развивать эту тему, – твердо заявляет Алекс.

За столом повисает гнетущая тишина. Семейный ужин слегка выходит из-под контроля...

– Так какие планы, Марион? Ты, наверное, хочешь поступить в магистратуру? – Натали решает продолжить ту тему, на которой мы остановились.

Я смотрю на нее, на ее аккуратный тоненький носик, на красивые полные губы и большие светло-карие глаза. Она идеально накрашена: подчеркнула плюсы, скрыла минусы, но так мастерски, так натурально. Косметики практически не видно. Алекс кладет ей утку, овощи, а она мило ему улыбается и благодарит:

– Спасибо.

– Это тебе спасибо, что бы я без тебя сегодня делал.

– Справился. Ты всегда справляешься.

Она кладет свою руку на его и слегка сжимает ее. Злость внутри меня растет. Меня так все бесит. Хватит, Марион. Успокойся. Ты больше не та глупая влюбленная девочка. Я не позволю ему издеваться надо мной. Я не позволю себе злиться из-за него.

Я откидываюсь на спинку стула – само спокойствие, сама расслабленность. Пусть внутри меня бушует торнадо. Я не покажу этого Алексу. Однако я всегда могу заставить его чувствовать то же самое. Разозлить его. Я заправляю прядь волос за ухо и смотрю на Алекса и Натали.

– Я хочу стажироваться у вас. Антуан сказал, вам в офис нужны работники. Поэтому планы на ближайший год таковы: жить в Париже и работать с вами.

Алекс и Натали теряют дар речи. Такого они точно не могли предположить или просто представить. Как и ожидалось, Алекс смотрит мне в глаза, и я вижу, как в них сверкают молнии. Я улыбаюсь и подмигиваю ему. Шах и мат, я больше никогда не позволю ему захватить власть надо мной. Отныне правила игры устанавливаю я. Отныне вся игра принадлежит лишь мне.

– Прекрасно! – раньше всех реагирует Антуан. – Очень рад, что ты в итоге решила воспользоваться этой возможностью.

– Да!!! – кричит Эль и крепко обнимает меня. – Я бы тебя все равно никуда не пустила! Три года без тебя стали целой вечностью.

Мама тоже обнимает меня, но делает это молча. У нее в глазах стоят слезы.

– Я рада, что ты не уезжаешь. Я места себе не находила, когда началась пандемия. И мысль о том, что ты совсем одна в другой стране... просто убивала. – Она крепче обнимает меня. – Спасибо, что остаешься.

Я обнимаю ее в ответ. Злость увеличивается, но теперь уже на себя, я чувствую себя такой идиоткой, что на три года лишила себя семьи, что заставила их нервничать и переживать. И все ради чего? Хотела отомстить ЕМУ, хотела, чтобы ОН мучился. Хотела, чтобы ОН приехал за мной. Какие глупые мечты. ОН и думать обо мне забыл.

– Мне кажется, лучше стоит продолжить учебу, – вмешивается в разговор Алекс, и я готова в голос расхохотаться. Конечно же ему так кажется!

Он не смотрит на меня.

– Возможно, тебе стоит выбрать другую фирму, ты ничего не знаешь ни о логистике, ни о строительстве, – подает голос Натали. Она говорит очень вежливо, и тон голоса такой, будто она дает мне совет от всего сердца и лишь из лучших побуждений.

У Алекса две фирмы в одной. Одна строит, другая поставляет стройматериалы и не только. Фирму по транспортировке открыл еще Антуан, Алекс же решил расширить их возможности.

Вместо меня отвечает отчим.

– Натали, дорогая, уверен, вы сможете найти Марион занятие в вашем огромном офисе. В конце концов, она может работать с Анной. Поможет ей составлять документацию.

– Почему бы тебе не найти ей занятие в своем офисе? – резко спрашивает Алекс.

Он сорвался. И знает это. Закрывает глаза и устало трет их.

– Я имел в виду, что у меня сейчас нет времени играть в няньку. Марион, пожалуйста, не принимай на свой счет. Но вы прекрасно понимаете, что времена нынче сложные.

– Я не прошу нянчиться со мной. Мне двадцать один год, если вдруг кто забыл, – отшучиваюсь я.

– Откровенно говоря, я начинаю злиться, – роняет Антуан и смотрит на сына. – Ты знаешь, что мой офис практически закрыт и что меня там не бывает. Все дела курируешь ты! Так что Марион будет работать в твоём. Я не вижу в этом никакой проблемы, Алекс, – стальным тоном подводит итог Антуан. – И я не отправлю ее сейчас учиться и не отправлю в другую компанию работать. С какой стати, когда у нас есть своя?

– Быть может, ей вообще из дома не выходить? Большинство учебных заведений перешли на онлайн-обучение. – Алекс пытается сопротивляться из последних сил. Не знаю, радоваться ли тому, что он до такой степени не хочет меня видеть...

– А я не хочу сидеть дома, – произношу я спокойным тоном. – Я хочу набираться опыта. Обещаю, я не устрою тебе проблем.

– Какого именно опыта, Марион? – Алекс очень зол, и ему тяжело это скрыть. Я вижу, как желваки у него на скулах дергаются, и чувствую ни с чем не сравнимое удовлетворение. – Как уже сказала Натали, ты далека от логистики или строительства.

Он смотрит мне прямо в глаза, испепеляя взглядом.

– Зато я быстро учусь, – отвечаю я и улыбаюсь своей лучшей улыбкой. – Плюс у вас есть правовой отдел. Хотя, признаюсь, я не планирую стажироваться там.

– Я не понял, что мы вообще обсуждаем? – вновь вмешивается Антуан и сердито смотрит на сына. Он явно не понимает, что сейчас происходит, и действительно злится. – Марион будет работать в твоём офисе, и, если понадобится, ты станешь нянькой и во всем ей поможешь. Как когда-то я помогал тебе, Алекс. Как когда-то Мари помогала тебе. И все работники нашей фирмы.

Антуан очень мягок со мной и Эль, но когда дело касается Алекса, он бывает строг и требователен. Их отношения нельзя назвать идеальными, они часто спорят и редко приходят к компромиссу. Каждый гнет свою линию. Мама успокаивающе берет отчима за руку.

– Антуан, не злись. Ты же понимаешь, через какой стресс Алекс сейчас проходит. Алекс, поешь и отдохни сегодня. Марион не будет тебя беспокоить, правда, детка?

Я смотрю в глаза своему сводному брату и знаю, что в моих искрится веселье.

– Абсолютно.

– Хорошо, жду тебя завтра в офисе к девяти утра.

Он переводит взгляд с отца на меня. Губы сжаты в тонкую линию, челюсть напряжена.

– Это моя вторая стажировка у тебя, Алекс. Так что не нервничай. В первую ты о-о-очень многому меня научил. – Я не удерживаюсь от едкого комментария. Так-то, козел. Нечего было портить мне первый ужин дома своей девицей. Лучше бы ты вообще не приходил.

– Уверена, и с тобой мы поладим, Натали, уж очень мне интересно, как протекает твоя работа. Буду помощником помощника.

Натали натянуто улыбается.

– Может, мы найдем тебе другое занятие. Как сказал Антуан, у нас есть Анна, она замечательный адвокат.

– Мне было бы интереснее находиться в гуще событий, поэтому, возможно, именно работа с тобой станет правильным решением.

– Ну и славно, хочешь быть в гуще, значит, будешь, – соглашается Антуан и ободряюще мне подмигивает.

Натали это видит и ничего не отвечает. Да, возможно, она заставит меня пожалеть об этом, но я всегда могу пожаловаться Антуану. А он все-таки босс ее босса. Самый главный босс в фирме. В этой игре главный козырь у меня в руках.

Алекс продолжает гневно смотреть на меня. Уверена, он вспоминает мою первую стажировку у себя в фирме и проклинаят все на свете. Он молчит, не зная, что сказать. Александр дю Монреаль понимает, что его загнали в угол. Опять же... сам виноват.

– Спасибо, что пришли на ужин, – начинаю я воркующим голосом. – Я так рада с тобой познакомиться, Натали. Ты вся такая красивая, в таком костюмчике. Если бы я тебя не увидела, то и желания бы стажироваться не появилось!

Натали смотрит на меня, как на идиотку. Уверена, у нее в голове крутится слово «костюмчик» и она не может поверить, что я действительно это сказала. Наверняка она задастся вопросом, как именно я закончила Оксфорд, будучи такой безмозглой пустышкой. Но мне плевать, что именно она думает. Главное, что Алекс все понял. И по выражению его лица я точно знаю... он понял. Так ему и надо, в следующий раз будет думать, прежде чем портить мой вечер. Я не верю в то, что месть подают холодной. Я верю, что людей нужно незамедлительно ставить на место.

– Cheers! – кричит Эль и поднимает свой бокал. – Отличные новости сегодня, надо отпраздновать.

– Sante! – подхватывает Антуан. И мы все чокаемся.

Я продолжаю мило улыбаться, пока Алекс кипит от злости и негодования. «Один – один, дю Монреаль», – говорит мой взгляд. Я чокаюсь об его бокал и с удовольствием опустошаю свой. Шампанское – маленький вкус победы.

Глава 2

Это, пожалуй, был самый сложный ужин в моей жизни. Когда он заканчивается, мы с Эль проходим в мою комнату и по традиции валимся на кровать.

– Обалдеть... – выдыхает сводная сестра.

– Как он вообще посмел прийти с ней?

– Уму непостижимо.

– Но я его быстро спустила с небес на землю.

– Да, забавно было смотреть, как он бесится. Но ты уверена в своем решении?

– Нет, более того, я так нервничала, что до сих пор голова не работает! И все из-за него.

– Мне кажется, зря ты задумала стажировку у него. Тебе никаких нервов не хватит находиться с ним в одном офисе.

– Или, быть может, ему не хватит... Не пойми меня неправильно, но твой брат тот еще козел. Портить ему нервы – мое личное наслаждение.

– Когда дело касается тебя, он и правда козел, – признает Эль и нехотя добавляет: – Или когда дело касается Квантана.

– Знаешь, не в обиду будь сказано, но недолюбливать Квантана у него есть причина, – хмурюсь я. – А вот что я ему сделала?

Эстель задумчиво трет подбородок.

– Как – что? Маячишь такая красивая и молодая. Он не знает, что с тобой делать.

– Ответить взаимностью – по мне, самый простой выход. Нет, самый логичный!

– Я тебя умоляю, мужчины и их логика. Над нами смеются, а сами... чемпионы по идиотским поступкам.

– Хотя в чем-то они чемпионы, – усмехаюсь я, и Эль улыбается в ответ.

Она закидывает на меня ноги и руки и крепко обнимает.

– Как же я скучала по тебе!

– Хватит тискать меня! Отпусти, а то кости переломаешь.

– Ты заслужила! – заявляет сестра и крепче сжимает в объятиях.

Я тоже очень скучала по ней. Скучала по своей комнате, по этой квартире, по ощущению дома и уюта. Наказать хотела его, а в итоге наказала саму себя.

– Какая же я идиотка, – бормочу я себе под нос, и Эль хмыкает.

– Можно я включу диктофон и ты это повторишь? Поставлю на твой звонок.

Я пихаю Эстель и скидываю с себя ее конечности.

– Не дожدهшься, – усмехаюсь я.

Она громко смеется, а потом проверяет свой телефон.

– Меня ждет Квантан. – Сестра выглядит виноватой. – Я бы позвала его на сегодняшний ужин, он сам хотел прийти и поздороваться. Но я решила проявить чудеса тактичности и не сажать Алекса и Квена за один стол.

– Как жаль, что твой брат не обладает этим качеством... Вообще, эта Натали давно с ним работает?

– Последний год. Она новенькая, его старая секретарша ушла на пенсию, но прежде чем сделать это, устроила на свое место Натали. Она трудоголик, как и Алекс. Думаю, у нее на него есть виды, но ты же знаешь моего братца. Однажды обжегся и считает, что на всю жизнь останется в одиночестве.

– Думаешь, они спят?

– Сомневаюсь, не в стиле Алекса смешивать работу и личную жизнь. Но ты сама знаешь, что чужая жизнь – потемки.

– Она красивая, – задумчиво тяну я.

– Ты красивее, – сразу же отвечает Эль.

Она первая узнала о моих чувствах к Алексу. Еще пятнадцатилетним подростком я призналась ей, что влюблена в ее брата. Она ни разу не осудила и не упрекнула меня за это и никогда не превозносила Алекса. Скорее, Эль каждый раз подчеркивает, что он меня недостоин. Несмотря на то, что они с Алексом очень близки. Их отношения тоже проходят через трудный период под названием «Квантан». Но я стараюсь много не спрашивать про это и не ковыряться в ситуации. Если Эль захочет поделиться, она придет ко мне сама.

– Марион, солнце, мне правда пора. Квантан уже ждет внизу минут пятнадцать, и ты же понимаешь, что он неправильно припарковался.

– У меня как-то вылетело из головы, что ты здесь больше не живешь. Начинаю скучать по старым добрым временам, – вздыхаю я.

– Я буду навещать тебя как можно чаще! – обещает Эль. – В городе пока все открыто. Но до папы дошли слухи, что второй волны не избежать. Лето подошло к концу, статистика заболевших растет с каждым днем. Так что вполне возможно, что совсем скоро мы все поедem в Нормандию в наш большой дом и там опять будем ждать конца карантина. Первый мы так и пережили.

Я переворачиваюсь со спины на живот и поправляю под головой подушку.

– А я сидела в четырех стенах, но даже жаловаться не буду. Учебы навалилось много, и надо было готовиться к экзаменам и аттестации. Этим я и занималась.

Эстель играет с прядями волос, наматывая их на палец, и грустно поджимает губы.

– Мы все так переживали за тебя! В Англии статистика была пугающей. Хотя она по всему миру такая.

Я закатываю глаза.

– Да ну брось, я была в Оксфорде. Маленький миленький Оксфорд.

– У вас там тоже были случаи... – не сдается сводная и бросает на меня угрюмый взгляд.

– Случаи были по всему миру, Эль, – спокойно говорю я. – Нет смысла нервничать из-за этого. Это наша новая реальность, надо продолжать жить в ней.

Она согласно кивает и уставляется в потолок.

– Да, Антуан говорит то же самое. Однако ты видела, как он разозлился, когда Алекс пытался тебя сбегать... Родители не подают вида, но переживают за нас.

– Мы молоды, это мы должны переживать за них.

– Папа не ходит в офис и максимально бережет себя, Мари тоже. А у Алекса в офисе правда все под контролем. Так что тут и переживать не о чем, – ободряюще улыбается Эль.

– Не верю, что я все таки напросилась на эту стажировку.

Эстель начинает в голос смеяться.

– Ты не просто напросилась. Ты буквально снесла дверь в их офис с ноги.
А Антуан был твоим автоматом! Никому не оставил шансов остановить тебя!

Я толкаю ее в плечо.

– Прямо уж автомат, ты скажешь тоже. Вали уже к своему Квантану, а то ты нас знаешь, мы можем заболтаться так, что он всю ночь на улице проведет и в итоге его заберет буксир.

Эль наклоняется и чмокает меня в щеку.

– До завтра, Мар! Надеюсь, тебе есть что надеть в офис. Позвонишь мне утром по «Фейстайму», выберем что-нибудь вместе.

– Да, я уже об этом подумала. Натали завтра увидит мой костюмчик и обалдеет.

Эль ухмыляется.

– Даже не сомневаюсь!

Она обнимает меня на прощание и выбегает из комнаты. А я открываю свой шкаф и смотрю на миллион вещей, которые оставила здесь. Туфли на высоченных каблуках... Надеюсь, я не разучилась на них ходить. Потому что завтра я абсолютно точно их надену.

Я лежу в постели. Сна нет ни в одном глазу... С одной стороны, все такое привычное. Подушки, одеяло, мой потолок, шум с улицы. С другой стороны, все настолько другое. Я другая. В последний раз я лежала в этой постели три года назад. Я была такой самоуверенной, такой глупой и наивной. Но той Марион больше нет, и пусть сейчас я полна сомнений, все, во что я верила, все, что мне казалось правильным, постепенно развеивается. Я все равно благодарна каждому испытанию. Ведь именно они делают меня сильнее, несокрушимее. Взрослая жизнь похожа на череду разочарований. Розовые очки беспощадно разбиваются о жизненные реалии. У меня появляется больше вопросов, а ответов катастрофически не хватает. Это выбивает из колеи. Но я никогда никому не признаюсь в том, что не знаю, что мне делать со своей жизнью дальше. Говорят, когда все дороги запутались, самое время вернуться домой. И

вот я здесь, и мне кажется, что за три года я так сильно изменилась, что больше не вписываюсь сюда. Ни в свою семью, ни в эту квартиру. И возможно, это глупо, но злость, которую я сегодня испытала по отношению к Алексу, напомнила мне, что я живая. Я цепляюсь всеми силами за эти эмоции, лишь бы апатия вновь не захватила мою душу.

Решаю встать с постели и подойти к окну. Открываю его и чувствую прохладный ночной ветер. Он нежно обдувает мое лицо, словно успокаивая. Звезд в Париже не видно, но они и не нужны. Многочисленные фонари освещают самый прекрасный город в мире, и у меня на глазах выступают слезы. Я ненавижу себя за слабость, которую чувствую. Ненавижу то, что не могу справиться с ней. Ненавижу себя за то, что не могу быть сильной и несокрушимой, быть той, кем все меня привыкли видеть. Беру телефон в руки и пишу короткое «SOS».

* * *

Человек на том конце сразу же читает мое послание и присылает ответ:

«Водка и Джек бессильны?»

Он, как всегда, в своем репертуаре, я подавляю улыбку и строчу:

«Из нас двоих алкаш ты, я решаю свои проблемы иначе».

«Да, твое решение: написать мне в два ночи».

«Будто ты спал...»

«Конечно, не спал. Конец лета и пятничный вечер. Сейчас спят только лохи».

«Не-а, лохи тусят во времена пандемии».

«Это мое право рисковать своей жизнью!»

«Скажи это главврачу, у которого в больнице не хватает мест от наплыва больных. Все из-за таких “правых”, как ты».

«Ты написала мне в два ночи, чтобы убить все желание веселиться?»

«Твое желание веселиться не может убить даже пандемия, я меркну на ее фоне».

«Марион, поверь мне на слово, по своей сучьей сущности ты не меркнешь даже на фоне всемирного зла».

«Приму за комплимент, Вал».

«Всегда рад, ведьмененок».

Этому прозвищу уже столько лет... Валентин не меняется. У него талант оставаться собой, несмотря на все то дерьмо, что происходит в мире.

«Как прошел семейный ужин?»

«Даже не спрашивай...»

«Он не пришел, да?»

Я читаю это сообщение, и злость с новой силой заполняет меня.

«Если бы... Он пришел с девушкой».

«Дата похорон уже назначена?»

Я фыркаю и забираюсь в кровать, прячась под одеяло. На экране бегают три точки, Валентин продолжает писать:

«Если что, я отправлю венок! Попросим на ленточке написать: “Покойся с миром, тупая сучка!”»

«Она выжила...»

«Что ж... Алекс прожил интересную жизнь. Хотя и не очень длинную...»

Я в голос смеюсь, просто представляя выражение лица Валентина. Наглую ухмылку и веселые искорки в темных глазах.

«Он тоже выжил...»

«Значит, ты решила, что смерть – слишком легкое для них наказание. Мне уже страшно, Марион. Стоит ли эвакуировать Париж?»

«Я буду работать с ними».

«Unexpectedly...»[5 - Неожиданно (англ.).]

«Сама от себя не ожидала. Они так выбесили меня!»

«И ты решила выбесить их в ответ. Что ж, твой удар пришелся ниже пояса. У Алекса нервный тик начался, наверное, прямо там после услышанного».

«Алекс попытался сказать мне “Нет”».

«: DDD Такой взрослый и такой наивный!»

Я в очередной раз прыскаю со смеху.

«Ага... Так что завтра у меня рабочий день!»

«Иди спать, твоя работа начинается утром, ведь так?»

«Именно».

«Я заеду за тобой после работы! Надо же мне тебя обнять и передать заразу, хотя сомневаюсь, что она имеет власть над тобой».

«Ха-ха, как смешно. Увидимся через две недели, как только будем уверены, что ты ничего не подхватил! До этого – никаких обнимашек!»

«Да что я могу подхватить! Во мне столько водки. Антисептик и внутри и снаружи. Так что обнимашкам быть!»

«Я подумаю над этим...»

«Сладких снов, Мар».

Я ничего не отвечаю. На лице блуждает глупая улыбка. За это я обожаю Валентина. На каком бы дне я ни находилась, мой лучший друг меня всегда вытащит. И он не будет это делать умными речами и нравоучениями. Он сделает это по-идиотски смешно, но так работает лучше всего.

* * *

Я просыпаюсь и резко подскакиваю с постели. Я забыла вчера поставить будильник и теперь в панике начинаю искать телефон. Время 7:37, и я выдыхаю. Еще не хватало опоздать в свой первый же рабочий день. Представляю, как довольна будет Натали. Мне нужно быть в офисе в девять часов. Поэтому я падаю на кровать и пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. Все в порядке, ты не проспала. На телефон приходит сообщение. Я читаю его и начинаю в голос хохотать.

«Доброе утро, исчадие ада. Если вдруг будет намечаться третья мировая, ты мне свистни. Спрячу свою трусливую задницу в бункере».

«Доброе утро, ты так рано проснулся!»

«Да, хотел пожелать тебе хорошего дня и удачи. Потом вспомнил, что удача нужнее Алексу».

«Можешь мысленно пожелать ее ему».

«Ну уж нет, я себе карму портить не буду. Тебе во сколько надо быть на работе?»

«К девяти утра... Сейчас подниму зад с кровати и пойду в душ».

«Ты же знаешь, что мне нельзя говорить слово “душ”? Я теперь буду представлять тебя в душе... И меня пугает, насколько сильно мне нравится моя фантазия».

«Все, что тебе остается, – лишь фантазия».

«Поверь, Марион. Фантазии о любой женщине на земле всегда лучше, чем реальность с ней».

«Такое можно сказать и о мужчинах!»

«Такое можно в целом сказать о жизни...»

«На этой меланхоличной ноте я ухожу мыться!»

«И ты стоишь голая, под струями воды... И я...»

«И ты тихо помогаешь себе правой рукой у себя в комнате...»

«Ты, конечно, смеешься, но у моего кулака с тобой гораздо больше общего, чем ты думаешь!»

«И что бы это могло быть?»

«Вы оба – мои лучшие друзья!»

«Я и кулак! Кулак и я!»

«Именно, только он еще и друг с привилегиями, а ты зануда».

«Никаких привилегий от меня... Мой дорогой, любимый друг».

«: D Я предпочитаю твои ругательства! Они точно исходят от чистого сердца!»

«Здесь ты прав как никогда! Все, я в душ!»

Я откладываю телефон и бегу в ванную. Иначе я могла бы переписываться с Валентином весь день. Только он может вести бессмысленные разговоры ни о чем и обо всем на свете.

После душа я решаю надеть костюмчик от «Шанель»... Слово «костюмчик» стало моим любимым за последние двадцать четыре часа. Он состоит из короткой юбки и пиджака в черно-белую клеточку. Я вспоминаю, как носила его в восемнадцать лет тоже на стажировку. В выпускном классе обязательно нужна была месячная практика. Я решила этим воспользоваться и подобраться к Александру поближе. Мне это удалось, только вот потом он беспощадно растоптал мое сердце. Я бы не назвала себя злопамятной, однако, возможно, лучшим вариантом и правда является месть? Я три года пряталась, и смотрите, к чему это привело. К апатии, депрессии и полной потере всякого вкуса к жизни. И все ради чего? Точнее, ради кого? Ради человека, который на ужин в честь моего возвращения привел другую.

Беру в руки косметичку и заглядываю в зеркало. Я тысячу лет не красилась, но сегодня особенный случай! Подвожу свои огромные глаза черным карандашом и подводкой рисую стрелки. Делаю их кошачьими, миндалевидными, мой взгляд кажется таким загадочным. Мало кто из мужчин сможет устоять. Довольная, изучаю результат. Мне нравится, так шикарно я давно не выглядела. Под пиджаком белый обтягивающий топ, на ногах лаковые классические туфли на пятнадцатисантиметровых шпильках. Я знаю, что вечером пожалею об этом, но мои ноги выглядят сногшибательно. Я не готова жертвовать своим видом ради комфорта. Точно не сегодня.

Беру свою любимую классическую «Шанель 2.55»[6 - Сумочка от модного дома «Шанель», представленная Коко Шанель в 1955 году. Отличительными чертами являются ремешок-цепочка, стеганая отделка и бордовая подкладка.] и бросаю последний взгляд в отражение. Превосходна. Именно так меня можно описать. Тональный крем скрыл серость лица, консилер спрятал синяки под глазами, благодаря хайлайтеру кожа сияет, румяна подчеркнули высокие скулы, черная подводка сделала глаза больше и выразительнее, легкий блеск придал моим пухлым губам соблазнительный вид. Мои длинные каштановые волосы спадают на плечи. Они блестят под светом ламп и аккуратными крупными волнами обрамляют лицо. Я красива и знаю это. Я могу заполучить любого свободного мужчину на этой планете. Кроме одного-единственного. И я заставляю его пожалеть о моем разбитом сердце и уязвленной гордости. Пусть звучит по-идиотски глупо и по-детски наивно. Но он пожалеет.

На часах 8:30, я иду на кухню за бутылкой воды. Позавтракать сегодня не получится. По пути сталкиваюсь в коридоре с нашим водителем.

– Тибо, будь добр, отвези меня на работу. Сейчас только прихватчу бутылку воды!

Водитель выглядит сбитым с толку.

– Мадемуазель, вас ждет на кухне Валентин. Он сказал мне, что я могу идти, так как вы договорились о том, что он подвезет вас. Я хотел отвезти вещи в химчистку, но если ваши планы поменялись...

Настал мой черед удивляться:

– Вал? У нас на кухне?

– Именно...

– Спасибо, Тибо, ты можешь заняться своими делами, – говорю я на лету.

Я мчусь со всех ног, хотя на каблуках передвигаться быстро практически невозможно. Но я стараюсь изо всех сил. Как только подхожу к кухне, я сразу же слышу знакомый веселый голос.

– М-м, это лучший омлет в моей жизни, Джерардо! Был бы ты женщиной или хотя бы помоложе, мне пришлось бы пересмотреть свои планы на жизнь! А точнее, на женитьбу!

Я открываю дверь и вижу довольную улыбку Валентина. Он не замечает меня, сидит за барной стойкой на высоком стуле и за обе щеки уминает омлет. За последние годы он превратился в мужчину. Плечи стали шире. Серая футболка подчеркивает стройное, спортивное тело. На щеках и подбородке виднеется темная густая щетина, три года назад на нее был лишь намек. Каштановые волнистые волосы спадают ему на лоб, и он небрежным движением зачесывает их набок. Конечно, я видела его фотографии. Но в жизни он выглядит иначе... лучше, привлекательнее, горячее. Но я никогда ему в этом не признаюсь. Я моргаю и беру себя в руки. Это всего лишь Валентин, Марион! Стоп!

– Первая встреча спустя три года, и ты, разумеется, жрешь, – резко заявляю я.

От неожиданности Валентин давится и начинает судорожно кашлять.

– Джерардо, налей ему, пожалуйста, стакан воды, а то помрет на нашей кухне.

Повар смеется и подает моему другу стакан. Валентин жадно выпивает воду и пару раз громко откашливается.

– Первая встреча за три года, и ты чуть меня не убила. Я же говорю, тебя стоит бояться.

Темные глаза с любопытством оглядывают меня снизу вверх. Он жестом показывает покрутиться.

– Что-нибудь еще? Может, еще станцевать или на голове постоять? – возмущаюсь я, и он нахально заявляет:

– Если только стриптиз, моя дорогая. Тогда я готов на все, и на стойку на голове, и на танцы.

Джерардо испускает смешок, а я в старой доброй манере стукаю Валентина. Он встает со стула. На голову выше меня, смотрит сверху вниз, и в глазах столько веселья. Мне до сих пор не верится, что его непослушные кудри сменились стильной прической, волны челки обрамляют его лоб, делая взгляд темных глаз более глубоким и таинственным. Полные губы приподняты в плутовской кривой усмешке, кончик носа тоже слегка вздрагивает, когда он улыбается. Загорелый, поджарый...

– А я ничего такой, да? – самодовольно заявляет Вал, и мне хочется еще раз его стукнуть. – Ты тоже изменилась. Такая элегантная, – Валентин сразу же отпускает мне комплимент.

– Это все благодаря одежде, – спокойным тоном констатирую я очевидное. Видел бы он меня вчера.

– Да нет. Правда изменилась. Особенно взгляд... – настаивает Вал и заглядывает мне в глаза. – Ты стала старше.

– Ты будто разочарован.

– Да нет... – Он мнется.

– Стой, что не так? Я все еще могу переодеться.

Валентин минуту молчит и продолжает разглядывать меня.

– Дело не в одежде. У тебя глаза потухли, – неожиданно признается он, и я теряю дар речи. Я знаю, как ответить на его любую колкость. Но не на подобное.

– Иной раз не стоит озвучивать все, что думаешь, – шепчу я, и Валентин виновато поджимает губы.

– Прости.

– Мне кажется, вам стоит поторопиться, – словно ничего не слыша и проявляя чудеса чуткости, замечает Джерардо.

– Я взял запасной шлем специально для тебя. – Валентин рад смене темы и сразу же глотает наживку.

– Шлем? – недоуменно переспрашиваю я. – Ты не на машине?

– Ты представляешь меня водителем машины? Что больше мне подходит, «Пежо» или «Рено»?

– «Фиат»! – язвлю я, и Валентин подхватывает меня под руку.

– Пошли, язва. Ты не хочешь опоздать в свой первый же день.

– И я не хотела ехать на мотоцикле.

Он выводит меня в коридор, крикнув на прощание Джерардо:

– Джерри, дорогой мой, любимый! Я вернусь к ужину, позаботься обо мне, ладно? С тебя твоя фирменная лазанья!

– Вот подлиза! – фыркаю я.

– Ты просто завидуешь нашим с ним отношениям... Ради меня он готов на все!

– Только ты зовешь его Джерри.

– У нас с ним братская любовь! Мне можно.

Валентин надевает старые потрепанные кеды и берет с вешалки свою толстовку.

– Если без шуток, выглядишь сногшибательно!

– Ага, с потухшими глазами, но сногшибательно.

– Ты мне этого не забудешь, да?

– Время восемь сорок пять, я все-таки опоздаю, – вместо ответа напоминаю я.

– Не в этот раз!

Валентин подает мне белый шлем и хватает за руку. Мы выбегаем из дома и направляемся в сторону парковки. Я иду максимально быстро на максимально неудобной обуви.

– Эта штука убьет весь объем! – ною я, натягивая шлем на голову.

– Ой, не будь занудой.

Вал помогает мне зафиксировать шлем и надевает на голову свой. Затем достает ключи от «Триумфа»[7 - Мотоциклы Triumph – старейший и одновременно самый молодой мотобренд Великобритании, основанный в 1902 году и вторично возобновивший свою деятельность в 1991 году. Выпускаемые мотоциклы Triumph: классические, круизеры, родстеры, туристические, туристические эндуро, спортивные и ретромоделі.].

– Стоп, я была уверена, что вон та развалина неизвестной мне марки твоя. А ты катаешься на «Триумфе»?

Валентин бросает взгляд на мотоцикл, о котором я говорила, и закатывает глаза.

– Я, конечно, знал, что ты обо мне невысокого мнения, но не настолько же! Прыгай уже, а то точно опоздаем.

Я сажусь к нему на мотоцикл. Времени возражать нет.

– Это моя первая в жизни поездка.

– Первый раз, значит... – Он поигрывает бровями.

– Отвернись, придурок.

– Давай, обними меня уже и поедem. Только держись крепко.

Я молча обнимаю его за талию и не могу удержаться от комментария:

– Ты что, начал качаться? Откуда такой пресс?

– За три года, Марион, у меня на голове мог вырасти рог! А ты удивляешься прессу.

– Рога у тебя были всегда... бараньи, а вот пресс у ленивой задницы – явление любопытное.

Валентин фыркает и дергается с места. Я крепче стискиваю руки у него на талии.

– Не сломай мне ребра! – кричит он и поворачивает вбок. Мне на секунду кажется, что мы сейчас упадем. Поэтому я закрываю глаза и перестаю дышать. Но удара об асфальт не следует, Валентин легко лавирует между машинами и выезжает на мост Альма. Мы мчимся дальше. Ветер обдувает меня, и я ощущаю выброс адреналина и радость, пока мы мчимся по утреннему Парижу. Мы проезжаем мимо статуи Свободы, и я бросаю короткий взгляд на нее и на Башню. Как же прекрасен этот город...

– Офис же на старом месте? – спрашивает Вал, когда мы останавливаемся на красный свет.

Я усмехаюсь.

– Это так в твоем стиле, проехать почти все расстояние и в самом конце решить уточнить, а туда ли ты едешь...

– Значит, на старом. Выброшу тебя на остановке «Мишель-Анж – Отей».

– Лучше уж не выбрасывай!

– Посмотрю на твое поведение... – с этими словами Вал вновь жмет на газ.

Я в очередной раз обхватываю его со всей силы, но не могу скрыть улыбку. Как мне нравится наша утренняя поездка!

Валентин действительно тормозит около станции метро.

– Вуаля! Можете не благодарить.

– Я и не собиралась...

– Язва.

Я фыркаю и пытаюсь снять шлем, но его заело.

– Чего копаешься? У тебя осталось три минуты.

– Я не могу снять этот чертов шлем!

Вал поворачивается ко мне и улыбается.

– Ого, есть что-то, чего ты не можешь!

Проворные пальцы Валентина справляются с противной застежкой, и он стаскивает с моей головы шлем. Я сразу же поправляю волосы, и он оглядывает меня.

– Подожди-подожди! – Он решает помочь мне и подхватывает мои непослушные пряди, укладывая их, а затем заглядывает в глаза. – О, что я вижу! Блеск и радость! Понравилось колесить на нем, да?

– Ты будешь не ты, если не добьешься или не выклянчишь комплимент.

Он снимает свой шлем и продолжает смотреть на меня. А потом неожиданно целует в обе щеки. Нежно, ласково.

– Привет, Марион.

Этим он сбивает меня с толку, я моргаю и пытаюсь понять, что только что произошло.

– Чего ты так уставилась? – тут же спускает меня на землю Вал. – Не знаю, как там у любителей овсянки, но мы, французы, целуемся при встрече! А ты забываешь наши традиции!

– Ой, точно... – глупо вырывается у меня.

– Ага, утром чуть меня не убила, а вот поприветствовать нормально так и не собралась. – Вал по-детски надувает губы, будто обидевшись, чем очень меня

смешит.

– Вот и улыбка появилась на лице! Пару дней со мной – и ты вновь станешь нормальным человеком!

– Ты и нормальность понятия несовместимые, Валентин! – посмеиваясь, язвлю я.

Он шутливо тянет меня за нос и признается:

– Я чертовски скучал по тебе.

И именно в эту секунду над нами нависает Алекс. От неожиданности я чуть не подсакиваю на месте. Александр переводит сердитый взгляд с меня на Валентина. Его лицо скрыто черной маской, но глаза передают всю гамму эмоций.

– Я, конечно, все понимаю, но рабочий день начинается в девять утра, – зло бросает он.

Валентин хмурится и грубо отвечает:

– И тебе привет, дружище. Сейчас и есть девять утра.

– В девять ноль-ноль, – подчеркивает мой сводный брат и вновь смотрит на меня. – Конечно, если тебе действительно интересна работа. Если нет, тогда, будь добра, не трать мое время, а продолжай развлекаться.

Я бросаю быстрый взгляд на часы Валентина. Увидев время, высоко поднимаю голову и ленивым движением перебрасываю волосы на спину.

– Эй, Алекс, полегче на поворотах. Сейчас девять ноль три, и ты сам все еще не в офисе, – нахально заявляю я и встаю с мотоцикла. – До вечера, Вал! – прощаюсь я, а он вдруг хватает меня за руку и тянет на себя.

– Поцелуй, детка. Ты все время о них забываешь. На прощание мы целуемся. Ты же знаешь, как говорят: «В Риме делай как римлянин!»

Он одаривает меня двумя нежными как перышко поцелуями в щеки.

– Во время пандемии никто не целуется, – шепчу я Валу на ухо, и он подмигивает.

– Живи так, будто это твой последний день на земле!

Я хочу ему сказать, что мечтаю прожить очень много дней на этой земле. Будучи здоровой и полной энергии, но мальчишеский блеск в его глазах и наглость, с которой он смотрит на меня, лишают дара речи. А еще я затылком чувствую недовольный и пронизывающий взгляд Алекса. И от этого взгляда покалывает все тело. И так же по всему телу волной расползается удовлетворение. И я ничего не могу с собой поделать, но на губах начинает играть самодовольная улыбка.

– Пока, Валентин...

Он подмигивает и отпускает мою руку. Не знаю, решил ли он сделать это специально, чтобы позлить Алекса, или просто ради развлечения. Валентина сложно раскусить. Никто не знает, что скрывается за веселой улыбкой и вечно смеющимися глазами. Он надевает шлем и, резко надавив на газ, срывается с места.

– Быть может, зайдём в офис, или ты планируешь весь рабочий день проторчать на улице?

Я оборачиваюсь и снисходительно улыбаюсь.

– А ты планируешь весь рабочий день практиковать на мне свой утонченный сарказм? – слово «утонченный» я выделяю кавычками в воздухе.

Алекс раздраженно вздыхает. Его глаза бродят по мне, он разглядывает мое лицо, одежду, ноги. Но я не могу понять, нравится ли ему то, что он видит, или же я бешу его своим существованием. На лице маска. Чертов робот без чувств и эмоций.

– Смотрю, ты приделась. Кого пытаешься впечатлить? – Это сказано с нотками высокомерия и полнейшего равнодушия.

И меня так злит тон его голоса, его безэмоциональное выражение лица. Я подхожу к нему совсем близко и тихо произношу:

– Алекс, если память мне не изменяет, когда-то в прошлом именно этот костюмчик впечатлил тебя, не так ли?

Александр выглядит так, словно я дала ему пощечину. Оскорбленно и разгневанно.

– Мы не будем говорить об этом.

– Если не готов к этому разговору, то не задавай подобных вопросов.

Я прохожу мимо него, стараюсь держать спину ровно. Но в душе все переворачивается, руки трясутся от воспоминаний, а сердце заполняется злостью и обидой. Я сжимаю руки в кулаки. Алекс ловит меня за запястье. Его прикосновение словно электрический разряд. Он медленно тянет меня на себя. И вот мы с ним лицом к лицу. Я впиваюсь взглядом в его лицо, и руки сами собой тянутся к его маске.

– Ты из тех зануд, что носят маски на улице? Стоит ли напоминать, что карантин был в марте? Сейчас масочный режим на улице вроде как не обязателен... Или же ты был в магазине и забыл ее снять?

Я нервничаю, понимаю, что задаю много глупых вопросов, но мои руки так близко к его лицу... Сложно сдерживаться. Легче тараторить глупости.

– Не все столь легкомысленны, как ты или Валентин.

– Молодость, легкомыслие... не это ли привлекло тебя когда-то, Алекс?

Чувствую, как Алекс злится. Знаю, что ступаю на опасную территорию. Но лучше уж злость в его взгляде, чем полнейшее равнодушие. Он ничего не отвечает, не реагирует на мою провокацию. Молчит и позволяет мне снять с него маску, и

я впираюсь взглядом в его лицо. Жесткий мужественный подбородок напряжен, кожу покрывает светлая щетина. Губы сжаты в тонкую линию, голубые бездонные глаза вглядываются в мои. Я вижу каждую черточку его лица, каждую крапинку в глазах. Мне хочется провести губами по его щетине, почувствовать, как она колет, ощутить тепло его кожи и губ. Он так близко, я чувствую его запах. Дорогой мужской одеколон заполняет мои легкие. Я хочу обнять его, прижаться к нему и провести носом вдоль шеи, вдыхая этот запах. Он – мое проклятье. Головой я все понимаю, из-за чего начинаю чувствовать себя жалкой и никчемной. Но в душе чертово торнадо под названием «Любовь к нему». Оно рушит все на своем пути, стараясь выбраться наружу. Ломая мои ребра, мою гордость и разбивая вдребезги сердце. Из раза в раз... Не смей, Марион. Слышишь, не смей. Немедленно возьми себя в руки, и пошла к черту любовь к нему, и пошел к черту он сам.

– Не играй со мной, Марион, – тихо произносит он.

Ощущение, что его слова разрезают воздух. Он забирает у меня из рук свою черную маску и проходит вперед. Даже не оборачивается и не ждет, что я последую за ним. На мгновение мне хочется пойти в совершенно другую сторону, противоположную от него. Лишь бы быть дальше. Как можно дальше от него и моих чувств к нему. Но я была вдали три года... Это не помогло. Почему страдать должна я одна? Почему прятаться должна я? Почему он продолжает жить как ни в чем не бывало? Почему я вся изнутри разрушена, а он... а он нет! У нас не получилось взаимной крепкой любви. Но вышла взаимная крепкая ненависть. Это то, что может меня спасти. Клин вышибают клином. С этими мыслями я следую за Алексом в его офис.

У них и правда все очень-очень строго. Во-первых, при входе тебе измеряют температуру. Во-вторых, ты обязан продезинфицировать руки. Около дверей стоит девушка со специальным гелем, и ты просто-напросто не пройдешь мимо нее. В-третьих, по всему периметру офиса расположены очистители воздуха. В-четвертых, соблюдается социальная дистанция. Столы находятся далеко друг от друга, на полу специальные наклейки. В-пятых... Конечно, все работают в масках. Коробки с одноразовыми масками стоят на каждом углу, а на стенах развешаны напоминания менять их каждые три часа.

– Мадемуазель, не забудьте надеть маску, – учтиво напоминает мне та самая девушка с гелем, и мне не остается ничего иного, как достать одну из коробки и закрыть ею лицо.

Алекс оборачивается и смотрит, выполняю ли я просьбу его сотрудницы.

– Ничего себе... А это работает? Были случаи заболевания?

Он идет вдоль коридора, я следую за ним и осматриваю офис. Пространство залито светом. Интерьер выполнен в серо-синих тонах, на стенах висят изображения уютных пейзажей. Я не была здесь три года, и помимо наклеек с напоминанием о социальной дистанции и антибактериальных гелей на каждом углу... фактически ничего не изменилось.

– Ты долго молчишь, значит, случаи были.

Алекс нехотя признает:

– Были, но, как ты понимаешь, люди помимо офиса сидят в кафе, ходят на вечеринки и встречаются с друзьями. – Произнося последнее слово, он бросает на меня недовольный взгляд. – Ты приехать не успела, как сразу же побежала к Валентину, а родители, между прочим, переживают за тебя.

– Во-первых, Вал чист, а во-вторых, это он ко мне прибежал. Некоторые мужчины не ждут волшебного пенделя, знаешь ли. А берут ситуацию в свои руки.

Мой свободный брат закатывает глаза, но молчит.

– Значит, какова бы ни была защита, все равно есть случаи... Сиди, не сиди целый день в маске, толку мало.

– Толк есть. Приходят клиенты, мы проводим совещания и выполняем свою работу. Я обязан защитить своих сотрудников.

– Оно понятно, но носить маску весь день? У тебя же стоят очистители воздуха.

– Марион, послушай. Если тебе не нравится, просто уйди. Поверь, ты не обязана здесь оставаться...

Я мило улыбаюсь.

– О, туше! Но прости, братишка. Работать на тебя – моя детская мечта.

Я вижу, как его глаза вспыхивают, и у меня по телу пробегает волна удовлетворения. Так тебе!

– Не называй меня так, – произносит он сквозь зубы.

– Как? – Я невинно хлопаю глазами. – «Братишка»? Милый братец, я была уверена, что ты оценишь мои старания.

Алекс хватает меня под локоть и с силой заталкивает в свой кабинет. Он громко хлопает дверью, срывает с лица маску и смотрит на меня таким бешеным и разъяренным взглядом, что мне хочется спрятаться под стол и не выходить оттуда в ближайшие десять лет. Но я не показываю страха, а, напротив, смотрю на него на равных. Открыто и прямо. Глаза в глаза.

– Зачем ты здесь? Какую цель ты преследуешь, Марион? – Он скидывает пиджак и бросает его на кресло. Я смотрю, как перекатываются бицепсы под белой рубашкой. Кристально белой, оттеняющей его кожу. Красивый засранец.

– Не понимаю твоей претензии, – говорю я спокойно, с легким весельем в глазах приподнимаю бровь и добавляю: – Мое присутствие как-то тебе мешает?

Алекс прожигает меня взглядом. Холодные голубые глаза мечут молнии.

– Не изображай дурачку. Скажи мне, что тебе нужно?

Я тоже снимаю маску и задумчиво тру подбородок. Выдерживаю театральную паузу. Вынужденная мера, чтобы взбесить его еще сильнее.

– А как по-твоему? Что именно мне нужно?

Он выдерживает мой взгляд, выражение его лица меняется. В глазах пробегает наигранная скука.

– Просто держись от меня дальше.

Я делаю шаг в его сторону. Медленно, шаг за шагом, подхожу ближе. И встаю вплотную к нему. Мило улыбаюсь и шепчу на ухо:

– Боюсь, это невозможно. Мы теперь с тобой в одном офисе... братец.

Он тихо шепчет ругательства себе под нос, я же поднимаю голову выше. Наши губы на одном уровне. Я вижу, что он смотрит на мои... Ровно секунда – и вновь на лице непробиваемая маска. Но я видела этот взгляд. Я видела желание. Я видела борьбу.

– Сейчас попрошу Анну взять тебя под свое крыло, – откашлявшись, говорит Алекс и делает шаг назад, увеличивая расстояние между нами. – Она занимается контрактами фирмы.

– Нет, не стоит. Я хочу быть под крылом Натали. Как я уже говорила... люблю быть в гуще событий.

Я надеваю обратно маску, разворачиваюсь на каблуках и направляюсь в сторону коридора. «Так просто ты от меня не отделаешься...»

Натали появляется с горой папок. Ее за ними практически не видно, лишь светлая макушка возвышается над кипой разноцветного пластика. Одета она безупречно: классические черные брюки, из-под которых выглядывают носки черных лаковых туфель. Ноги у нее словно бесконечные. Она с шумом опрокидывает кипу папок на стол и устало потирает руки. Пребывая в собственных мыслях, она не замечает меня у двери.

– Привет, – говорю я, тем самым сообщая ей о своем присутствии. От неожиданности Натали подпрыгивает на месте. Она буквально хватается за сердце и, облокотившись о стол, судорожно вздыхает.

– Господи, ты напугала меня...

Я подхожу к столу и аккуратно раскладываю папочки. Натали прослеживает за мной взглядом.

– Какие у нас планы? Что мне надо сделать?

– Разве ты не должна работать с Анной? – Она выдергивает у меня из рук ярко-красный корешок и ревностно откладывает папку подальше.

В этот момент из кабинета выходит Алекс:

– Доброе утро, Натали. Все принесла?

– Да, но у меня есть вопрос касательно нашего нового стажера.

Меня задевает такая грубость, и я бросаю на нее недовольный взгляд.

– У меня есть имя.

Натали делает вид, что не слышит меня, и продолжает смотреть на Алекса, сложив руки на груди.

– Анна сейчас подойдет и объяснит ей ее обязанности.

– Я думаю, что довольно четко сказала, что хочу работать с вами, – вновь подаю я голос. Делаю вид, что мне скучно и все это меня ни капельки не задевает. На самом же деле меня так бесит Натали, что я еле сдерживаюсь, чтобы не наброситься на нее. Так хочется испортить ей этот идеальный пучок на голове и вырвать несколько прядей.

Александр снисходительно улыбается, и у меня появляется желание врезать и ему. Прямо между зубов.

– Разве ты не должен носить маску?

– Хватит умничать. Думаю, что босс в этой фирме все же я... И мне решать, что, где и с кем будет делать стажер и где носить маску.

Натали сияет так, словно выиграла миллиард евро в лотерею.

– Как скажешь, босс, – с ехидством отвечаю я, – но на твоём месте я бы задумалась, почему ты не желаешь видеть меня поблизости.

Я накручиваю прядь волос на палец, подмигивая ему в самой наглой и распущенной манере. Он не успевает мне ответить.

– Алекс, ты меня вызывал? – раздается голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и вижу перед собой женщину лет шестидесяти. У нее седые волосы до плеч. На ней джинсы и голубая рубашка. Она окидывает меня любопытным взглядом из-под очков. Остальная часть лица скрыта маской, на которой изображены огромные тюльпаны.

– Анна, это Марион – наш новый стажер. Возьмешь ее к себе.

– А какое у стажера образование? Насколько мне известно, рук не хватает пиар-отделу. Да и Натали искала помощника. Я же справляюсь сама.

Я усмехаюсь и бросаю на Натали веселый взгляд.

– Помощника, значит, искала?

– Международное право. Поэтому она идет к тебе в отдел, – перебивая меня, твердо отвечает Алекс.

Анна нехотя кивает и вновь рассматривает меня. Мне становится неловко под ее внимательным взглядом.

– Мне кажется, мы с тобой уже виделись, нет?

Она щурится и продолжает меня сканировать из-под очков.

– Не могу понять... Так надоели эти маски на все лицо.

И в эту секунду я вспоминаю ее.

– Вы работали у Антуана в старом офисе, не так ли? Я однажды делала вам кофе.

В ее глазах вспыхивает узнавание, и взгляд загорается.

– Точно-точно! Ты его дочка. Алекс, имей совесть! Почему не представил ее как следует?

– Потому что он босс, а я – всего лишь стажер, – с иронией отвечаю я, и Анна качает головой.

– Пойдем, детка, найдем тебе место, и я все покажу. Антуан говорил, что ты учишься в Оксфорде. Как тебе учеба?

– Порой скучно, порой интересно.

Она берет меня за руку, нарушая любую социальную дистанцию, и дружески продолжает:

– Как и везде, у нас тут тоже порой скучно, а порой сумасшедший дом на прогулке! – Анна звонко смеется. – Недалеко от моего кабинета есть свободный стол у окна. Тебе понравится!

Однажды она и Антуан работали допоздна. Я носила им всякие бумажки, делала ксерокопии и кофе. Похоже, я очень понравилась этой женщине тогда. Иначе как объяснить этот материнский порыв? Но мне, конечно, приятно.

– Алекс, я все подготовила, давай закажу нам завтрак. Можем за едой все посмотреть, – раздается из-за наших спин голос Натали. – Там много работы, но, думаю, часа за три мы все-таки справимся.

– Да, конечно, – доносится ответ. – У меня сегодня есть встречи?

– В четыре часа и в семь. Первая с инвесторами проекта «Музей на улице», вторая с представителями стройфирмы «Барнс».

Анна продолжает уводить меня в другое крыло офиса. И неожиданно Алекс окликает меня:

– Марион...

Мужской голос эхом разносится по коридору. Я оборачиваюсь и смотрю на него. Руки в карманах, рукава рубашки закатаны, на предплечьях проступили вены. Я обожала водить по ним пальцем. Он смотрит на меня и слегка хмурится.

– Ты завтракала?

Натали замирает, вид у нее такой, будто ее только что ударила молния. Ошарашенный. И она даже не может скрыть своего удивления.

– Завтракала, – отворачиваясь, бросаю я.

Что означает «Да катись ты к черту со своей заботой». Мне не нужна его забота. Пусть засунет ее куда подальше. Я продолжаю идти с Анной по коридору, ощущая затылком его взгляд и прямо держа спину. Он больше никогда не заденет мою гордость, он больше никогда не заденет меня. Анна наконец приводит меня в свой сектор и показывает на маленький белый столик около окна. Он совершенно пустой.

– Мне нужно было взять свой компьютер? Я думала, работникам выдают...

– Да, конечно. Сейчас позвоню в IT-отдел, и кто-нибудь из ребят принесет тебе рабочий ноутбук. Смотри. – Анна указывает в угол. – Там у нас кофемашинки, есть чайник. Туалеты в коридоре. Принтер вон там.

– Спасибо, а что именно мне надо будет делать?

– Пока дождись ноутбук. Позже я дам тебе документы, их надо будет отсканировать и внести в базу данных. Еще у меня есть гора бумажек на подпись. Не переживай, работы тут хватает. Ты пока располагайся.

Я сажусь за стол и осматриваю пустую поверхность. Я, конечно, та еще тупица. Даже ручку с собой не взяла. Я спускаю маску с носа и делаю глубокий вдох. Зря, наверное, я все это затеяла. Надо было остаться в Англии и не ворошить прошлое. Однако я вспоминаю, какое бессилие чувствовала, когда только уехала в Оксфорд. И я пережила ту боль и отчаяние, которые Алекс вложил в мою душу. Я больше никогда не буду той слабой влюбленной Марион. Урок усвоен.

Ноутбук мне приносят на удивление быстро. Милый парень, чье лицо тоже скрыто маской. На нем мешковатые джинсы и длинная ярко-зеленая футболка, прям под цвет его глаз. Рыжие волосы торчат в разные стороны.

– Себастьян, – представляется он и, схватив стул от соседнего пустого стола, присаживается рядом со мной. Он быстро спускает маску на подбородок, открывая симпатичное молодое лицо и россыпь мелких веснушек.

– Так, он уже настроен, – говорит Себастьян, указывая на ноутбук, – сейчас я покажу тебе твой пароль и логин. Чтобы у тебя был доступ к базе данных, рабочему чату и далее по списку. Еще соединю комп с принтером, чтобы ты могла печатать дистанционно.

– Хорошо, спасибо.

– Имя, фамилия?

– Марион Депорт.

– Отлично... Секунду. Так, сейчас вернусь с принтером, какая-то проблема. – Себастьян забирает мой ноут и уходит куда-то, пропадая из моего поля зрения.

Зато Анна нависает надо мной, подавая какие-то бумажки.

– Контракт, дорогая, даже если ты семья, все равно надо подписать. Это твоя не первая стажировка в фирме, я использовала информацию из контракта две тысячи восемнадцатого года.

– Да, конечно... Вот только я не взяла с собой ручку.

Анна достает шариковую ручку из кармана джинсов и подает мне. Я удивленно моргаю, и она смеется:

– Блокнот и ручка всегда со мной. Старая школа не записывает все в телефоны.

Хмыкнув, я беру у нее ручку. Пробегаю взглядом по названию договора. Обычный для стажера, я правда подписывала такой же три года назад. Чиркаю

свою подпись и отдаю бумагу Анне.

– Спасибо, – благодарит она.

– Это тебе спасибо.

Себастьян, возвращаясь, спотыкается по дороге о собственный незавязанный шнурок, но довольно ловко удерживает ноутбук. Ему определенно не впервой.

– Завяжи шнурки, что ты как ребенок! – строго бросает Анна и удаляется в свой кабинет.

Себастьян переглядывается со мной и неловко пожимает плечами, я еле сдерживаю улыбку, глядя на то, как краснеют его уши.

– Мадемуазель Депорт, вот адрес вашей электронной почты, – по-деловому заявляет он, и я пихаю его в бок.

– Можно просто Марион.

По щекам Себастьяна расползается румянец.

– Марион, предупреждаю, начальство может ее читать, – говорит он, понизив голос, и бросает взгляд на кабинет Анны.

– Дверь закрыта, она все равно не слышит.

– Доступ есть у нее и непосредственно у Алекса. Вот программа, в которую ты закачиваешь данные. И принтер... – Он нажимает на «Печать», и где-то там, за моей спиной, устройство начинает издавать шипящие звуки. – Отлично, он тоже работает, – заключает Себастьян с улыбкой. – Вроде бы все круто. Можешь начинать работу.

– Спасибо, Себастьян, – благодарю я и притягиваю ноутбук к себе.

– Можно просто Себа, – отзывается он.

Я с улыбкой киваю.

– Договорились.

Молча проверяю программу, просматриваю почту. Чувствую взгляд парня на своем лице и поворачиваю к нему голову. Он выглядит так, словно хочет что-то сказать.

– Что такое?

– Не хочешь вместе пообедать? – на одном дыхании выпаливает он и неловко поправляет длинную челку. – Тут недалеко есть отличное брассери[8 - Брассери? – тип французских кафе (Прим. ред.)].

– До обеда еще далеко, не находите? – неожиданно раздается за нашими спинами голос Алекса. Себастьян резко оборачивается и выглядит сбитым с толку. Он точно не ожидал, что босс будет шпионить за нами.

– Маска должна находиться на лице, Себастьян... и Марион. Не на подбородке, – отчитывает нас Алекс.

Себастьян натягивает маску на лицо и встает со стула. Я же бросаю быстрый взгляд на Алекса, в руках у которого маленькая бутылка свежесжатого апельсинового сока и пакетик с булочками. Я отворачиваюсь от него, не поправляя маску.

– Спасибо, Себастьян. С радостью пообедаю с тобой, ведь я тут практически никого не знаю, – говорю я айтишнику.

– Класс! – Парень выглядит довольным и сразу же достает из кармана телефон. – Запишешь свой номер?

Алекс бесцеремонно садится на его место и кладет передо мной бутылку сока и пакетик.

– Себастьян, у нашего стажера сегодня много работы, она будет обедать со мной и Натали.

Айтишник выглядит по-детски разочарованным, а я начинаю не по-детски злиться. Выдергиваю телефон из протянутой руки Себа и ввожу свой номер.

– Вот, пиши на «Ватсап», – говорю я и возвращаю ему мобильник.

– Я сейчас напишу тебе, сохрани контакт, и если вдруг будешь свободна, сообщи, ладно?

Я широко и приветливо улыбаюсь:

– Конечно.

– Себастьян, а не хотите ли вы пойти поработать? – уничтожая его взглядом, спрашивает Алекс. Он откидывается на спинку стула и складывает руки на груди, недовольно поглядывая на своего работника.

– Да, уже бегу! – кивает Себастьян и быстро удаляется. Видимо, сообразив, что сегодня босс явно не в настроении.

Я делаю вид, что не замечаю Алекса, просматриваю всякую ерунду на ноутбуке, но с очень серьезным и сосредоточенным лицом. Молча намекая, что ему стоит уйти.

– Перекуси, – бросает Алекс.

– Я не голодна.

– Я знаю, что ты наверняка не позавтракала.

– Да что ты, откуда такая уверенность?

– На тебе тонна косметики. У тебя явно не осталось времени на завтрак, – самодовольно заявляет он.

– На мне все две тонны, Алекс. Хотелось произвести хорошее первое впечатление на твоих сотрудников, – как ни в чем не бывало отвечаю я. Если он

думает, что меня заденет фраза про массу косметики, то глубоко ошибается. Меня так просто не проймешь.

– Тогда поешь.

– Я не собираюсь есть еду, которую заказала для меня твоя ассистентка...

– Сок и pain aux raisins[9 - * Улитка с изюмом (фр.).]. Я купил все это в соседней буланжери[10 - Буланжери – французская кафе-пекарня (Прим. ред.).]. Помнится, ты не фанат омлетов.

На мгновение я теряюсь. Он протягивает мне пакетик с моей любимой булочкой. Мало того, что он запомнил, так еще и пошел и купил ее мне. Во мне взрывается вулкан негодования и злости. Я с силой захлопываю крышку ноутбука. Терпеть его игру в «горячо-холодно» я больше не намерена.

– Какого черта?

Алекс сидит вплотную ко мне, но даже не поворачивает голову в мою сторону.

– Какого черта ты покупаешь мою любимую булочку и еще и приносишь мне ее, как какой-то мальчик на побегушках? Я уже молчу о том спектакле, что ты устроил при Себастьяне! «Наш стажер будет обедать со мной и Натали»! – гневно выплевываю я.

– А тебе обязательно всем подряд строить глазки? Нельзя посидеть хоть две минуты спокойно, не привлекая всеобщее внимание? – спокойно спрашивает он.

– Что?! Ты думаешь, я специально? Ты вообще нормальный? – ору я, не в силах сдержаться.

– Марион, не кричи. – Алекс опускает свою маску и смотрит мне в глаза. Выражение лица до тошноты спокойное, уравновешенное. Бесит.

– Не кричи?! – Я еще сильнее повышаю голос. – Да кто ты вообще такой? Ты совсем с ума сошел? – От бессилия и от злости я бью его по плечу. – Как ты вообще смеешь так себя вести со мной?! Кто дал тебе право?! – Мой крик эхом

отлетает от стен, я вновь замахиваюсь на него, но он ловит меня за запястье и останавливает.

– Вот поэтому я и думаю, что нам не стоит работать под одной крышей. Очевидно, ты вновь рисуешь себе сценарий, которому не суждено сбыться, и злишься.

Я чуть ли не лопаюсь от возмущения и сверлю его гневным взглядом.

– Какой еще сценарий, Алекс? По-твоему, я мечтаю вновь раздвинуть перед тобой ноги, а на следующий день услышать, что это было ошибкой? Приди в себя! – Я вырываю руку и сквозь зубы выплевываю: – И не смей ко мне прикасаться, понял? Не смей приносить мне тупые завтраки! – Я хватаю бутылку и швыряю ее в мусорную корзину, а за ней и чертову булку. – Не смей ревновать, когда какие-то себастьяны просят у меня номер. Не смей косо смотреть на Валентина. И не смей меня отчитывать и воспитывать. У тебя нет никакого права на это! А твое мнение будет последним, которым я поинтересуюсь, понял? Просто отвали от меня!

Я тяжело дышу, но нахожу в себе силы отвернуться от него. Открываю ноут, давая понять, что на этом разговор окончен. Мне вовремя приходит на почту имейл от Анны с документами, которые надо проверить, и теми, что нужно распечатать. Но Алекс не двигается с места. Я чувствую плечом его плечо и с силой прикусываю губу, чтобы вновь не начать орать на него. Мое терпение дало трещину, и я злюсь на саму себя за такую истерику. Как маленький ребенок, честное слово.

– Мне надо работать. Уходи, – грубо бросаю я и не смотрю на Алекса, но чувствую его назойливый взгляд.

Он продолжает молча пялиться на меня. От его взгляда я вся покрываюсь мурашками.

– Ты заслуживаешь человека намного лучше меня, – произносит он тихо и резко встает со стула.

Я не выдерживаю и отрываю глаза от экрана. Смотрю, как его силуэт удаляется вниз по коридору. Три года назад я бы побежала за ним, чтобы догнать и

сказать, что он самый замечательный человек на земле. Что он лучший из лучших. Я именно так и бегала, пыталась ему это внушить, наивно думала, что у меня получится... Я была готова на все. Абсолютно на все. Уничтожение своей гордости – лишь малость по сравнению с тем, чем я была готова пожертвовать ради него. Но он всегда меня отталкивал. Что бы я ни сделала, как бы ни старалась. Он всегда говорил мне нет. Нет так нет. Той девочки, которой я была три года назад, тоже теперь нет. Он больше меня не растопчет. А я больше не буду пытаться его спасти. Пусть катится к черту.

* * *

Я сижу над кучами бумаг. Анна не дает мне расслабиться, я рассортировала все что могла, отсканировав, по ощущениям, документацию всего офиса. Но это даже хорошо. Пока я занята, в голову не лезут всякие непрошенные мысли. Жалею, что не взяла с собой даже шоколадный батончик. Чем я только думала, когда собиралась утром на работу? Ноги ноют от ходьбы в неудобной обуви. Живот ноет от голода. Чувствую, что раздражение растет и что готова наброситься на кого угодно с потоком ругательств и претензий. Поэтому решаю сделать передышку. До начала обеда всего лишь полчаса, я выполнила все задания, поэтому сажусь за стол с чистой совестью.

Беру телефон в руки и пишу Валентину.

«Я готова убивать!»

«Это ж твое обычное состояние, нет?»

«Был бы рядом, я бы тебе врезала...»

«Тогда круто, что я скоро буду?»

«Что? Как это?»

«Пообедаем вместе? Я знал, что тебе будет там скучно, и решил составить компанию. Принял душ, сейчас выйду и поеду».

«Ты просто меня спасаешь... Хотя меня на обед позвал айтишник из компании».

«Симпа? Если что, я могу не ехать».

«Нет, что ты. Приезжай! Мы друзей на члены не меняем».

«Не знаю насчет тебя, но моя гетеросексуальная сущность уж точно».

«Ой, да ладно. Вот скажи, если сам Райан Гослинг захочет переспать с тобой, ты скажешь ему: “Прости Райан, но я по девочкам”?»

«Когда дело касается Гослинга, то все по Гослингу!»

Я усмехаюсь, и он добавляет:

«Так и быть, 98 % гетеро и 2 % оставлю красавчику Райану».

«Ты бы кинул меня ради него, да?»

Валентин присылает фотографию Райана топлес.

«Определенно».

«Я так и знала, вот она, твоя дружба!»

«Детка, поверь, он одержал нечестную победу».

«Хочешь сказать, я круче Гослинга?»

«Я хочу сказать, что сиськи Райана я видел, а твои нет... Один нюд – и все может измениться!»

Я фыркаю:

«Не в этой жизни».

«Вот поэтому мне придется драть на Гослинга».

«Почему в общении с тобой так часто всплывают слова “член” и “дрочка”?»

«Я бы мог зачесать что-то о своем высоком уровне сексуального влечения. Но все гораздо проще. Я особь мужского пола. Поверь, это все объясняет. Просто я озвучиваю все то, о чем другие думают».

«То есть все мечтают получить фотку моих сисек?»

«Без шуток, на самом деле не все. Мне нравится наша френдзона. А если ты пришлешь мне их... Боюсь, желание затащить тебя в койку будет выше желания дружить с тобой».

«Значит ли это, что желание все же есть, но ты выбираешь дружбу?»

«Повторим пройденный урок. Я особь мужского пола, а ты девушка... Как думаешь, какой правильный ответ?»

«Спасибо, что не называл меня особью».

«Правильный ответ. Мальчик + красивая девочка = мысли о сексе. Кто говорит обратное – врет».

«Неправда, я никогда не думала о сексе с тобой».

«Потому что ты все время думаешь о сексе кое с кем другим, Марион. Поверь, он тоже об этом думает, даже если тебе кажется обратное».

«Не хочу о нем».

«Не будем. Я выезжаю, буду у тебя через двадцать минут».

Я откладываю телефон и смотрю в окно. На самом деле Валентин прав. Очень долгое время я была заиклена лишь на одном человеке. В чем он не прав, это в том, что мне нужен был лишь секс с ним. Я хотела его полностью. Душу и тело. Последнее у меня было. Однако он и этому не позволил продлиться хоть сколько-нибудь долго.

В затылке покалывает, словно кто-то сверлит меня взглядом. Я поворачиваю голову и натываюсь на внимательный взгляд Алекса. Руки по привычке в карманах. Он стоит в другом конце коридора. Я расслабленно откидываюсь на спинку стула и кладу ногу на ногу. Его взгляд скользит по моим щиколоткам и поднимается выше... к коленкам и выше... к бедру. Я продолжаю в упор смотреть на него. Он постепенно поднимает взгляд и смотрит мне в лицо. Я бы отдала все что угодно, чтобы понять, о чем он сейчас думает. Вспоминает ли тот вечер три года назад? То, как он целовал меня, как ситуация вышла из-под контроля? Наши прикосновения и потребность друг в друге взяли верх, разрушая все табу и сомнения. Но не надолго... Я проснулась, он сидел в кресле. Не глядя мне в глаза, сказал, что это была ошибка и больше она не повторится. Он вознес меня на седьмое небо, он же и вырвал мне крылья. С костями и кровью. С размаху опустил меня на землю. Алекс не пожалел меня. Растоптал. Исполнил мою самую сокровенную мечту, а после стал моим самым страшным кошмаром. Я вышла из его квартиры, еле передвигая ноги. Голова была как в тумане. Слов не было, слез не было. Было так больно, что никакой крик не вырывался наружу. Он засел глубоко внутри меня, выжигая изнутри.

Я первая разрываю нашу игру в гляделки. Отворачиваюсь от него и волосами скрываю лицо. Неловко пытаюсь спрятаться. Хотя прекрасно осознаю, что жила за тысячу километров от него. И все равно не спряталась. Невозможно убежать от того, что сидит глубоко внутри тебя. Мне так отчаянно хочется это отпустить. Освободиться от ноющей, бесконечной боли в сердце. Возьми себя в руки, Марион. И не позволяй чувствам управлять тобой, говорю я себе.

– Марион, – тихо, почти шепотом. В тоне голоса нет злости и раздражения. Лишь усталость и бессилие. Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза. Он спустил маску на подбородок, и вид у него действительно уставший. – Прости, – неожиданно говорит он, и я не могу скрыть своего удивления. Алекс нервничает и растерян. Видно, что ему очень неловко и он толком не знает, что мне сказать. – Мне тошно от самого себя. – Он замолкает. – Я не был готов встретиться с тобой.

Он смотрит мне в глаза, произнося эти слова, и взгляд у него прямой, твердый, он действительно пришел извиниться. Меня застает врасплох его честность. Но я молчу, жду, что будет дальше.

– Я до сих пор не могу простить себе случившееся три года назад, Мар. Видеть тебя на своей территории, в своем офисе... Признаюсь честно, мне это сложно. Однако я не имел права реагировать как тупой подросток и идти на поводу у своих эмоций. – Алекс вздыхает. – Ты сегодня сказала правду, я не должен отчитывать, воспитывать тебя или как-то препятствовать твоей работе здесь. – Он присаживается на край стола и взъерошивает волосы. – Хочешь здесь работать – вперед. Я правда больше тебя не побеспокою.

– Я не знаю, что тебе ответить. – Я пожимаю плечами, и он кивает.

– Я лишь хотел сказать, что между нами не должно быть ругани. Мы же взрослые люди, давай начнем с чистого листа?

– Как скажешь, – единственное, что я отвечаю. Нет ни малейшего желания обсуждать с ним наши отношения. Я поднимаюсь с места, хватаю свою сумочку и останавливаюсь около него. Он все так же продолжает сидеть на моем столе. Бедром я задеваю его бедро. Встаю лицом к лицу и смотрю ему прямо в глаза.

– Надеюсь, ты готов смотреть на то, как я продолжаю жить без тебя, Алекс. Потому что это будет зрелищно.

Я разворачиваюсь и шагаю на своих огромных каблуках к выходу. Ощущаю его горячий взгляд на своей спине и хочу обернуться, но держу себя в руках. Больше никогда в жизни. Нет. Я не оглядываюсь на прошлое.

Валентин, как истинный плейбой, облокотился о свой крутой мотоцикл и, с сигаретой в зубах, провожает кокетливым взглядом барышень.

– Какой же ты типичный... – начинаю я и подхожу к нему ближе. Он с наглой ухмылкой выдыхает дым.

– Типичный красавчик?

– Типичный плейбой.

– Почему у меня такое ощущение, что ты не сделала мне комплимент, а скорее назвала тупым идиотом?

– Потому что так и есть.

Он ловит меня за руку и тянет на себя.

– К слову, очень круто, что ты теперь в Париже и что мне нужно ехать всего двадцать минут, чтобы увидеться с тобой.

– Только не зачасти со встречами, а то мне придется начать избегать тебя.

Валентин усмехается.

– Тогда составим расписание!

– Да-да, будешь записываться ко мне на встречи.

Вал кладет руку мне на плечо и чмокает меня в волосы.

– Ты единственная, к кому я готов записываться куда угодно, на что угодно.

– Просто на заметку: я не испытываю подобных чувств по отношению к тебе, – язвлю я, и он хохочет в голос.

– Кстати, подруга, Тот, Чье Имя Нельзя Называть, стоит около окна и смотрит на нас.

– Да? Ну, пусть любит.

– Вид у него довольно печальный.

– Не верю, этот человек не способен на чувства.

– Не знаю, не знаю...

– Докуривай и пошли обедать, я очень голодная.

Валентин тут же тушит сигарету.

– Я давно не ел в этом районе. Вообще не знаю, где вкусно...

– Тогда пошли в то кафе, которое ближе всего.

Мимо нас проходит Себастьян, но делает вид, что не замечает меня. Он так отчаянно старается не смотреть в мою сторону, что опять спотыкается.

– Кажется, кто-то на меня обиделся, – замечаю я, провожая его взглядом.

Мы направляемся в сторону ближайшего кафе на углу. Перед входом надеваем на лицо маски и дезинфицируем руки.

– Добрый день! Столик на двоих, на террасе, пожалуйста, – говорит Вал официанту, и нас сажают в конец террасы за милый круглый столик с плетеными стульчиками.

– Это был тот айтишник?

– Ага, его зовут Себастьян.

– Ну, вообще, айтишники умные, думаю, он знал, что у него нет никаких шансов с тобой.

– Почему это?

– Да брось, рядом с таким Себастьяном ты покроешься плесенью от скуки.

– Да, мой вариант – взрослый сводный брат, которому чихать на меня. Я точно создана для счастья! – с сарказмом произношу я.

Валентин хмыкает.

– Я бы не сказал, что ему чихать на тебя.

- Абсолютно, иначе бы он никогда не поступил со мной так, как поступил.
- Может, в его голове это было единственным правильным решением?
- А может, он просто чертов трус?
- Это тоже... Но ему абсолютно точно есть до тебя дело.

- Вал, ты бы видел, как вчера он пытался сказать нет моей стажировке! Сопровивлялся из последних сил.

- Это говорит о том, что ему не пофиг, – заявляет мой друг и замолкает.

К нам подходит официант с меню. Валентин его даже не открывает.

- Стейк и картошку, пожалуйста. Ты что будешь? Салат и стейк?

- Да, и принесите, пожалуйста, воды.

- Конечно, мадемуазель.

Официант забирает меню и удаляется. А Валентин стаскивает с себя толстовку и продолжает:

- Если бы ему было все равно, он бы сказал: «Конечно, Марион. Приходи ко мне на стажировку! Ведь это меня нисколечко не колышет»... А он рвал и метал, да?

- Да...

- Все потому, что видеть тебя каждый день в такой юбочке и с такими ножками довольно сложно.

- Я купаюсь в его злости, – признаюсь я и смотрю Валентину в глаза. – Мне так нравится его бесить. Ничего не могу с собой поделать.

- Получай удовольствие, детка.

Нам приносят воду и корзинку с хлебом. Я хватаю кусочек багета и с наслаждением ломаю хрустящий хлеб пополам.

– Когда ты вообще втюрилась в него? – неожиданно спрашивает Вал. – Я имею в виду, когда осознала свои чувства? Я никогда не спрашивал, но мне стало искренне интересно, как долго это длится.

Я задумываюсь... Любовь к Алексу расцветала в моем сердце постепенно.

– Знаешь, Вал, не было такого, что я увидела его, и во мне сразу проснулась любовь к нему... вовсе нет... – Я замолкаю, стараясь проанализировать свою жизнь.

Я живу очень долго с этой любовью, но она точно не случилась со мной в нашу первую встречу. Эстель часто говорила, что Алекс – красавчик. И куда бы он ни пошел, чтобы ни сделал, красавчиком его назовут везде и всюду. И я с ней полностью согласна.

– Я первый раз увидела его в ресторане. Антуан пригласил нас с мамой на ужин, на котором, по классике жанра, они объявили о своем решении связать себя узами брака.

Валентин разливает воду в наши стаканы и внимательно меня слушает.

– Эстель в то время жила в Штатах, поэтому на ужине не присутствовала. Мне было двенадцать лет, на мне было мое лучшее платье, нелепое каре, да и мой колючий взгляд тоже был при мне, если тебе интересно, – со смешком добавляю я. – Алекс опаздывал, а когда появился, у меня возникло ощущение, что на землю спустилось солнце в его лице и все вокруг заиграло новыми красками, озаренными его сиянием. Звучит тупо, но именно так все и было.

Я беру стакан в руки и делаю неторопливый глоток. Я так отчетливо помню нашу первую встречу. Его голубые глаза весело сверкали, полные губы были приподняты в плутовской улыбочке. Он пришел с опозданием в сорок минут и тут же отпустил шуточку. Мама расхохоталась, Антуан улыбнулся, а я... я подумала, что Алекс очень красивый. Я бы даже сказала, слишком. Нет, не той смазливой красотой, по которой тащатся девочки-подростки. Алекс и тогда уже

был мужчиной. Высокий, широкоплечий, в стильном деловом костюме. Светлые волосы пребывали в аккуратном беспорядке, он сразу взъерошил их, придавая своей внешности более небрежный, но безумно притягательный вид. Когда он улыбался, на щеке, словно играючи, появлялась ямочка. Я разглядывала его... Алекс был очень красивым и чертовски обаятельным, а после моего отца я не доверяла красивым людям. Поэтому смотрела на него с подозрением, ожидая подвоха. Все ждала, когда улыбка пропадет и он покажет свое истинное лицо. Этого в тот вечер так и не произошло.

– Он тогда много шутил, привлекал всеобщее внимание и даже умудрился насмешить меня, несмеяну, целых два раза. Он был такой беззаботный. Баловень судьбы, – продолжаю я рассказывать Валентину.

– Все случилось в первую же встречу?

– Нет, конечно. Мне было двенадцать, ему двадцать семь лет...

Я проваливаюсь в воспоминания девятилетней давности. Помню, как мы выбирали десерт. Алекс задумчиво постукивал пальцем по подбородку.

– Да, непростой выбор. Что думаешь, Марион, тирамису или шоколадное фондю?

Признаться, в моей голове стоял тот же вопрос. И я не знала, какой выбор сделать. Алекс усмехнулся в своей фирменной манере и предложил:

– Давай я возьму шоколадное фондю, а ты тирамису, и мы с тобой немного поделимся? Что скажешь?

Он казался таким расслабленным, таким влюбленным в жизнь. Он смотрел на меня с улыбкой, и уголки моих губ сами по себе приподнимались, отвечая на нее, улыбаясь в ответ.

– Отличная идея, – заключила я, и мы так и сделали. Только вот Алекс съел меньше половины своего шоколадного фондю, а я так увлеклась, что практически не оставила ему тирамису. Мне стало неловко и даже капельку стыдно. Он подмигнул мне и постучал по своему животу.

– Ты только что сделала мне одолжение: поверь, отрабатывать в зале лишние калории никому не доставляет удовольствия. Давай ты доешь все тирамису, и я со спокойной душой сегодня усну, не думая о завтрашней тренировке.

И я доела, в конце довольно облизнув ложку, а после прикончила еще и фондю. Мама, качая головой, начала было лекцию о вреде чрезмерного употребления сахара. Но Алекс очень удачно сделал комплимент ее платью. Она рассыпалась в благодарностях, а он в очередной раз мне подмигнул. Александр-Антуан дю Монреаль покорила меня в тот вечер.

– В ту первую встречу он скормил мне два десерта, – со смешком говорю я Валентину. – Знаешь, даже странно, но Алекс никогда не был для меня братом. Сидя с ним за одним столом, уплетая два десерта, я не думала: «Как круто, что этот клевый парень стал моим братом». Таких мыслей не было.

– А о чем ты думала?

– Он скорее превратился в моего кумира, – решаю я признаться Валентину. – В мои двенадцать лет мне безумно захотелось быть похожей на него, стать такой же раскованной, уверенной и находиться в центре внимания. Быть такой же жизнерадостной, беззаботной и красивой.

– Да, интересно... Но когда ты все-таки поняла, что любишь его? – не унимается Вал.

Прячу взгляд. Не хочу делиться этим с Валентином. Прекрасно осознаю, когда я увидела в Алексее парня, но это слишком личное.

– Не знаю, Вал. Видимо, когда я выросла, менялось мое восприятие мира и отношение к нему.

Официант приносит наши заказы. Мы стаскиваем маски. Валентин хмурится. Он молча начинает разрезать стейк, я же решаю посолить и поперчить мясо.

– Я знаю, когда ты врешь мне, – вдруг сообщает Вал и отправляет кусочек мяса в рот.

Я теряюсь, а он смотрит мне в глаза.

– Не хочешь – не делись. Но можно честно сказать: «Вал, давай закроем тему, не хочу ни говорить, ни делиться».

– Я не хотела тебя обидеть. Прямолинейность порой рушит даже самую крепкую дружбу.

– Вранье – вот что разрушает абсолютно все. Наша дружба строится на правде. Ты говоришь, что думаешь. Я говорю, что думаю. Мы хаваем дерьмо друг друга, осознавая, что в любой ситуации, несмотря ни на что, готовы поддержать друг друга и быть рядом. Вот мое представление о дружбе, Марион.

Он не злится, но очень обижен. Его легко читать, вся гамма чувств написана на лице. Я беру его за руку...

– Прости, пожалуйста, я правда не хотела тебя обидеть.

– Забыли, но просто так больше не делай, ладно?

– Не буду, – обещаю я, и он начинает поглаживать мою руку большим пальцем.

– А теперь улыбнись и посмотри на меня, как на самый сочный и крутой чизбургер. Представь мягкую булочку, пышную котлетку, плавленый сыр...

Я непонимающе хмурюсь, а он продолжает гладить мою ладонь, что тоже вызывает у меня вопросы.

– Может, ты оставишь мою руку в покое?

– Марион, – он смотрит на меня ласковым взглядом, – я твой самый вкусный чизбургер в жизни. Давай, глянь на меня с любовью и обожанием. – Он заговорщически мне подмигивает, словно флиртуя, но я знаю, что когда он флиртует, то делает это иначе.

Я улыбаюсь ему в ответ и переплетаю наши пальцы.

– Дай угадаю: Тот, Чье Имя Нельзя Называть, смотрит на нас?

– Какая же ты догадливая... Тебе понадобилось всего пять минут! Реактивный двигатель!

– Не знаю, что хуже: что ты пользуешься мной, чтобы позлить Алекса, что просишь меня смотреть на себя влюбленным взглядом или что, прося об этом, говоришь о чизбургере?

Валентин фыркает и обольстительно улыбается.

– Мы пользуемся друг другом! А насчет бургера... Зато это работает. Никто не смотрит на чизбургер равнодушно!

– Если только ты не веган.

– Думаю, веганы смотрят на него со смесью ненависти и любви. У них с чизбургером примерно те же отношения, что у Алекса с тобой. Они триндец как хотят его съесть, но башкой понимают, что нельзя, и это портит им жизнь.

Я хмыкаю и наигранно нежным голоском заявляю:

– Валентин, ты такой романтичный засранец. Твоя философия отношений и чизбургеров... просто растопила мое черствое сердце.

– Порой я задаюсь вопросом, как только общение с тобой не вогнало меня в депрессию! С тобой поведешься – комплексов не оберешься.

– Ты еще и поэт! – продолжаю весело иронизировать я, и он смеется.

– А знаешь, что очень смешно? Девушка рядом с Алексом что-то очень увлекательно зачесывала ему последние пятнадцать минут. А он угадай что делает?

– Записывает за ней? Кивает с серьезным выражением лица важного босса?

– Хотелось бы ей... Он смотрит на тебя... Точнее, каждые две минуты возвращается взглядом. Она даже обернулась, чтобы посмотреть, на кого он пялится. Вот это я называю «Спалился по полной программе»!

– Он опять бросает на тебя грозные взгляды?

– Он злится, но видно, что пытается сдержать эмоции. Слушай, а девушка-то рядом с ним ничего такая... Кто она вообще? – Вал с интересом в глазах рассматривает Натали. Это раздражает, поэтому я резко отдергиваю руку. Возвращаю его на землю, так сказать.

– Подбери челюсть. Это его персональная ассистентка. Он ее привел на ужин вчера.

Валентин сразу же меняется в лице.

– Фу, она сейчас повернулась, и такая страшная.

Я начинаю в голос хохотать, зная, он смешит меня специально.

– Вот что значит – дружеская поддержка!

– Ведьмененок, честно... Она меркнет на твоем фоне.

– Да мне вообще плевать. Ты же знаешь, что я не соревнуюсь.

Вал внимательно разглядывает мое лицо.

– Марион, я знаю, что ты сама не понимаешь, во что ввязалась и зачем тебе это.

Молчу, ведь у меня и правда нет логичного ответа на этот вопрос.

– Я правда хочу работать и набраться опыта... а работа с ним... Это было спонтанным решением, Валентин.

– Вот и я об этом. Просто будь осторожна. Ты можешь вывести робота на эмоции. И получить кайф от этого. Но будь осторожна. Ты играешь с огнем.

Я уверенно качаю головой.

– Не стоит переживать. Я больше не та тупая наивная девочка, которая сделала бы ради него что угодно. Я выросла, Вал. И я не позволю ему пробраться мне под кожу снова. Подобное никогда не повторится.

– Я очень на это надеюсь, – говорит мой друг и ободряюще улыбается.

Я правда не до конца понимаю, во что я ввязываюсь и для чего именно. Но отступать не хочу. Я поворачиваю голову и смотрю на Алекса. У него на лице учтивая, вежливая улыбка. В глазах пустота. Что скрывается за маской его лица, что он прячет? Никто не знает. Но, господи, как же мне нравится срывать эту маску и видеть его эмоции. Пусть даже злость.

– Просто не заиграйся, – тихо шепчет Валентин, и я уверенно отвечаю:

– Не заиграюсь.

Глава 3

После обеда я направляюсь в офис. Разговор с Валентином разбредил мои мысли о прошлом. Я сажусь за стол, и в голову приходит одно очень теплое и любимое мною воспоминание.

В тот год, когда наши родители поженились, меня совершенно неожиданно выбрали для театральной постановки. Максимум, который я проводила на сцене за все свои школьные годы, – это общая песня класса, и то я обычно стояла в самом конце, надежно спрятанная за спинами своих одноклассников. Но в тот раз мне выпала роль Малефисенты в постановке «Спящей красавицы». Я бы не сказала, что роль мне не нравилась. Напротив, я была рада не играть глупую спящую принцессу, а изображать ту даму, что заставляет всех понервничать. Я подготовилась досконально, репетировала и повторяла текст дома перед

зеркалом. Оттачивала движения, чтобы не сделать лишних и чтобы они усиливали эффект произнесенных мною реплик. Я хотела сделать сюрприз, поэтому рассказала родителям за семейным ужином ровно за неделю до представления, купив предварительно билеты и программку, в которой гордо ткнула на свое имя: «Марион Депорт – в роли Малефисенты». Но родители резко замолчали и каким-то извиняющимся тоном начали объясняться.

– Ты, наверное, совсем забыла, но на следующей неделе в понедельник мы уезжаем... на десять дней, – пробормотал мой отчим.

– Марион, все уже куплено и организовано, у Антуана не будет другой возможности вырваться. Ты вообще не слушаешь, что мы тебе рассказываем? – более резко поинтересовалась мама.

В ту же секунду я вспомнила, что, действительно, они со мной что-то такое обсуждали. Сказали, что оставят меня с Кэтрин, которая следила за порядком в доме, и что будут звонить каждый день. Я тогда настолько витала в собственных мыслях, что упустила точную дату отъезда, и мне казалось, что это произойдет когда-то там, в далеком будущем.

Мне пришлось выдавить улыбку, ведь мама абсолютно точно мечтала об этой поездке. Это был их долгожданный медовый месяц.

– Да, это ерунда... Школа все равно каждый раз записывает наши выступления и сливает на «Ютуб». Когда приедете, вместе посмотрим.

В этот момент в столовую зашел, как всегда с опозданием, Алекс. У них с Антуаном был своеобразный уговор: раз в месяц Алекс должен был присутствовать на семейных ужинах. И Алекс уважал просьбу отца, никогда не пропускал эти встречи, но всегда опаздывал на них. Со временем день, когда Алекс у нас ужинал, стал моим самым любимым днем месяца. Я прямо ждала наступления этих ужинов, в течение которых можно было вдоволь насмеяться и съесть двойную порцию десерта. Ведь это тоже стало нашей традицией. В тот вечер Алекс изучал брошюры вместе с моей мамой.

– И почему тебе дали роль Малефисенты? Кто там играет принцессу? – не без интереса поинтересовалась мама.

Алекс махнул рукой и с улыбкой возразил:

– Какая разница кто, ведь от принцессы только и требуется, что дрыхнуть. А вот в роли Малефисенты можно разойтись!

С моих губ сорвался благодарный смешок. Никто не предложил ему посетить мой школьный спектакль, все понимали, что двадцатисемилетний парень в пятницу вечером найдет себе занятие поинтереснее, чем сидеть в школьном актовом зале среди мамаш и папаш, уверенных в безукоризненном таланте своих отпрысков.

В тот момент, когда я увидела его сидящим в первом ряду в день премьеры, я чуть от волнения не забыла весь текст. У него на коленях лежал огромный букет нежно-розовых пионов. Алекс смотрел на меня своим особенным взглядом, в недрах которого плескались смешинки. Это был лучший сюрприз в моей жизни. То, как он громче всех хлопал, свистел и выкрикивал мое имя под косые взгляды других родителей, разбудило что-то очень теплое в моей душе. После спектакля я бросилась ему на шею и крепко его обняла. Я – та девочка, что не всегда поцелует родную маму. Я – которая вечно всем недовольна и во всем находит минусы. Я – та, что терпеть не может телячьей нежности. Набросилась на него, не в силах сдержать порыв. Он подхватил меня, поднимая над полом, и весело засмеялся.

– Марион, ты была самой крутой Малефисентой в мире! – заявил мой сводный братец и, опустив меня на пол, вручил букет цветов.

Это был самый огромный, самый шикарный букет в зале. Ни одной девочке не подарили настолько пышную и настолько благоухающую композицию. Букет оказался настолько тяжелым, что я не смогла долго удерживать его в руках, и Алекс, поняв, забрал его обратно. Он держал его одной рукой, и ни один мускул на его теле или лице не дрогнул. Тогда я с детским восхищением подумала, что Алекс очень сильный и вообще такой невероятный... Запомнил дату, пришел и поддержал меня, когда от него этого вовсе не требовалось! Он сделал это по собственному желанию, да еще и с таким размахом. Я не думаю, что влюбилась в него тогда, по крайней мере, не той любовью, которой женщина влюбляется в мужчину. Но я точно знаю, в тот вечер Александр стал моим героем. Моим персональным Суперменом из комикса «Марион и ее обыкновенная жизнь». В нее, словно ураган, влетел необыкновенный Алекс. Не сдержавшись, я обняла его второй раз. Крепко-крепко. И тихим голосом прошептала ему на ухо:

– Спасибо.

Анна вырывает меня из пучины воспоминаний. Она закидывает меня папками и просит их рассортировать и отсканировать документы, чтобы внести их в базу данных.

– Многое хранится лишь на бумагах, и это неправильно, все должно находиться на электронных носителях или в «Облаках». Так что очень хорошо, что ты здесь. Без тебя я бы долго откладывала это... – Она держит в руках кружку кофе и протягивает ее мне. – Когда-то ты сделала кофе мне, теперь я – тебе.

Я из вежливости забираю у нее кружку.

– Спасибо большое. – Я действительно тронута ее вниманием, поэтому предпочитаю умолчать о том, что в последние два года отказалась от кофе и совсем его не пью. Я растворяюсь в огромном количестве документов, сортирую, сканирую, загружаю в базу данных. Офис потихоньку пустеет. Анна на прощание делится со мной упаковкой печенья и тоже уходит домой. Я же настроена сделать хотя бы половину. В какой-то момент я просто снимаю свои невозможные туфли и хожу от своего стола к принтеру-сканеру босиком. Пол в офисе прохладный, очень приятно холодит ступни после пребывания в адской обуви. Я так погружаюсь в процесс, что не слежу за временем. Поэтому удивленно подсакиваю на месте, когда неожиданно за моей спиной раздается голос Натали.

– Вот это беспорядок, – комментирует она мое рабочее место.

– Рабочий беспорядок, я сортирую документы.

– Босая... Как очаровательно, – натягивая улыбку, бормочет она. Я закатываю глаза.

– Зачем пришла, Натали? Ближе к делу.

– Рабочий день закончился. Все уже ушли. Поэтому можешь идти домой. – Она изучает меня и, ехидно улыбнувшись, добавляет: – Или ты, возможно, ждешь Александра, чтобы он подвез тебя?

Я откладываю папку и смотрю ей в лицо.

– Тебя вообще не касаются мои планы.

– Просто решила предупредить, что мы с Алексом идем ужинать. Поэтому не жди его зря.

– Натали, дорогая. Я счастлива за тебя и за твой ужин. Видно, что это многое для тебя значит. Но не смей указывать мне, что делать.

Она ухмыляется.

– Полегче на поворотах, малышка. Такие громкие заявления с твоей стороны как минимум смешны.

– Смешна здесь только ты и твое достижение в виде ужина с Александром, – не выдержав, говорю я. – Прости, малышка, у других людей цели и желания гораздо выше.

Я беру стопку бумаг и направляюсь к сканеру, словно ее здесь вообще нет. И в дверях сталкиваюсь с Алексом. При виде меня он удивленно приподнимает брови.

– Все еще здесь? – Он бросает веселый взгляд на мои босые ноги, но тут же прячет улыбку.

– Анна – представитель старой школы. Отличный юрист, но вся документация офиса находится в архиве. Мы решили, что мое появление как раз отлично подходит, чтобы исправить сей факт. Так что я переносу все в базу данных.

Он кивает и смотрит мне за спину на мой стол.

– Я все уберу, – предупреждаю я до того, как он скажет что-то о беспорядке. Убирать, конечно, придется долго. Там минимум пятьдесят папок и три миллиарда бумажек, разбросанных по всему столу.

– Мне приходится сортировать по годам, сферам и компаниям. Поэтому я все встряхнула. Но, повторяю, я уберу.

– Рабочее место должно быть организованным, Марион, – вставляет Натали с фальшивой улыбкой, – ты не можешь работать на все сто, когда вокруг такой беспорядок.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не послать ее.

– Ты, наверное, не слышишь, чем именно я занимаюсь. Я сортирую и организовываю, – цежу я сквозь зубы.

– Не злись, я просто даю советы, будучи профессионалом. Ты же именно за этим сюда и пришла – набраться опыта.

Я устало тру глаза и молчу. Не буду отвечать этой выскочке. Я знаю, что делаю все правильно. А еще я знаю, что работы у меня очень много, поэтому нет времени отвлекаться на идиотские разговоры ни о чем. Не сказав ни слова, я прохожу мимо Алекса к принтеру и сканирую стопку нужных мне документов.

– Натали, я сегодня пропущу ужин, – неожиданно говорит Алекс.

Я продолжаю нажимать на «Печать», хотя мое сердце бьется в ускоренном ритме. Натали молчит: уверена, она не знает, что ответить.

– Что-то случилось? – наконец находит она правильный вопрос. Голос ее звучит тихо и неуверенно.

– Нет-нет, просто у меня поменялись планы.

Никаких объяснений. Никаких оправданий.

– А, хорошо... понятно. Тогда я пойду? – Голос Натали звучит растерянno, и выглядит она так же. – Тебе что-нибудь нужно? – напоследок уточняет она с надеждой в голосе.

– Нет, спасибо. Иди домой и отдохни как следует.

– Тогда до завтра.

– Да, до завтра.

Я не прощаюсь, слышу, как топот ее каблуков становится все тише и тише, а затем и вовсе перестает быть слышен. Делаю вид, что очень увлечена изучением бумаг и принтера.

– То, что ты уже отсканировала, куда кладешь? – спрашивает Алекс.

Я отрываюсь от бумаг и оглядываю его. Он снимает пиджак, бросает его на спинку моего стула и с умным видом рассматривает документы и папки на моем столе, начиная их перекладывать.

– Что именно ты делаешь?

Алекс поднимает голову и устремляет на меня спокойный взгляд.

– Навожу порядок в своем офисе, – как ни в чем не бывало отвечает он.

Я растерянно хлопаю глазами. Мой вид явно смешит его, потому что легкая улыбка на мгновение озаряет лицо Алекса.

– И без тебя справлюсь, – наконец прихожу в себя я.

– А я говорил, что не справишься? – Он возвращается к бумагам и раскладывает их по стопочкам. – Я понял твою систему. Смотри, я делаю стопки, а ты сканируй их и вводи в базу, а потом я разложу их по местам, идет?

Я собираю листы и подхожу к нему, проверяю, что же он сделал.

– Ты не понял моей системы, иначе зачем ты складываешь строительные контракты и те, что по транспортировке, вместе?

Алекс удивленно приподнимает брови.

– Ты складываешь не по датам?

– Даты, сферы, компании.

– Впечатляет, но так мы всю ночь здесь просидим.

Я равнодушно пожимаю плечами:

– Ты можешь идти домой и не делать вид, что помощь мне входит в твои обязанности.

– А что, по-твоему, входит в мои обязанности?

– Не знаю, чем занимаются боссы. Подписывают контракты и трахают секретарш? – произношу я с иронией.

Алекс хмыкает.

– Какого же ты высокого обо мне мнения.

– Вали домой, Алекс. От тебя помощи, как от козла – молока.

– Ауч. Но, как ты говоришь, я быстро учусь!

– Вот только не пойму, зачем тебе учиться сортировать документацию?

– Чистое любопытство, Марион.

– Иди домой, рабочий день кончился, – повторяю я.

Он наклоняется ближе и, нагло сверкнув глазами, сообщает:

– Офис мой, и только я решаю, когда мне пора уходить.

Я натягиваю улыбку.

– Как скажешь, босс.

Решаю сосредоточиться на бумагах, сортирую еще одну стопочку и вновь направляюсь к сканеру.

– Только ты можешь снять обувь прямо на работе и ходить босиком, как ни в чем не бывало.

– Если бы ты проходил на пятнадцатисантиметровых шпильках весь день, то понял бы, почему это решение вполне рационально.

– А зачем тогда надевать такие туфли?

Я нахально улыбаюсь.

– Ты видел, как выглядят в них мои ноги?

Он фыркает и тянется за телефоном.

– Раз уж мы тут надолго, то я закажу нам поесть. Суши будешь?

– Ролл «Калифорния», пожалуйста.

– Понял-принял.

Я смотрю, как он что-то печатает в телефоне, и думаю, что же происходит между нами.

Что-то странное и необъяснимое. Я стараюсь не анализировать, а молча делаю свою работу. Алекс прислушивается ко мне и сортирует бумаги, как это делала я. Тоже не произнося ни слова. Будто мы оба решили замолчать, чтобы не сболтнуть лишнего. Вместе с ним работа движется быстрее: он делает стопочки, а я сканирую и вношу в базу, он убирает готовые документы. Порой я чувствую его взгляд на себе, но делаю вид, что не замечаю этого. Тоже решаю снять пиджак и бросаю его поверх пиджака Алекса. Забираю стопки и иду к сканеру. Молчание становится гнетущим.

– Как тебе жизнь в Англии? – неожиданно спрашивает Алекс, не глядя на меня.

– Будем вести светскую беседу? – не сдерживаясь, язвлю я в ответ.

– Да, почему бы и нет?

– Не люблю разговоры для галочки... Знаешь, когда тебе плевать, но надо проявить вежливость и чуткость и спросить у человека, как дела.

– Начнем с того, что мне действительно интересно, – спокойно отвечает он.

Я закатываю глаза.

– Если бы тебе и правда было интересно, как протекает моя жизнь, то, мне кажется, за эти три года ты мог бы хоть раз позвонить и спросить меня об этом.

Алекс откладывает бумаги, на его телефон приходит уведомление, и он смотрит в экран.

– Это суши, курьер около двери.

Он достает из внутреннего кармана пиджака бумажник и, натягивая на лицо защитную маску, направляется к выходу. Курьер спас его от необходимости отвечать...

Я слышу, как он забирает заказ. Благодарит, оставляет чаевые и заходит обратно в офис.

– Можем поесть в моем кабинете, – бормочет Алекс, оглядывая беспорядок на столе. Он не смотрит на меня, предлагая это. Уверена, он тоже вспоминает события трехлетней давности. Все наши ужины у него в кабинете. Смех и шутки. Наш флирт и притяжение. Наконец Алекс поднимает голову и заглядывает мне в глаза.

– Можем и тут остаться. Как хочешь.

Я выпрямляю спину и равнодушно пожимаю плечами.

– Мне все равно, где ужинать. У тебя и правда практичнее. Не заляпаем ничего.

На лице у меня застыла маска безразличия, все настоящие эмоции скрыты. Алекс кивает и направляется в свой кабинет вместе с пакетом из суши-бара. Я следую за ним. Он садится в свое кожаное кресло, а я располагаюсь напротив.

– Держи. – Он подает мне пластиковую упаковку с роллами и палочки. Я протягиваю руку, и на мгновение наши пальцы соприкасаются. Поспешно выдергиваю из его рук свою еду.

– Они забыли положить мне васаби...

Алекс открывает свой заказ: он выбрал суши плюс маленькие шашлычки и рис.

– Возьми.

Он больше не протягивает мне еду, а лишь кладет рядом со мной маленькую круглую коробочку с зеленой пастой.

– Спасибо, – глухо благодарю я, беру палочки и принимаюсь есть.

– Значит, про Англию мне лучше не спрашивать? – со смешком интересуется Алекс. Я знаю, что за этим смехом скрывается нечто другое. Возможно, его задел мой ответ.

– Что именно ты хочешь узнать? – Я решаю больше не выделываться.

– Как тебе студенческая жизнь?

Я смотрю ему в глаза. Кристально-голубые и такие красивые. Марион, прекрати, одергиваю я себя и натягиваю улыбку.

– Весело... – уклончиво отвечаю я.

– Мари мечтала, что ты встретишь там представителя королевской семьи и выскочишь замуж после окончания университета.

– В наше время мало кто выскакивает замуж после окончания университета, и я считаю, что это очень даже правильно.

– Антуан говорил ей то же самое, – с улыбкой рассказывает Алекс.

– Плюс ко всему представители королевской семьи не совсем в моем вкусе.

Он с любопытством посматривает на меня.

– Это еще почему?

– Дико скучно... А я – любитель круто провести время.

– А был не представитель королевской семьи, с которым ты весело проводила время?

– Были, – киваю я. Специально использую этот глагол во множественном числе. – В этом смысле студенческая жизнь мне пришлась по душе. Но не то чтобы это тебя касалось.

Я смотрю, как он умело пользуется палочками. Красивые руки с длинными пальцами грациозно держат их в пальцах и подхватывают еду. Алекс делает глоток из бутылки. Вид у него такой, словно он хочет что-то сказать, но думает, стоит ли.

– Именно поэтому я и не звонил, – неожиданно признается он. – Не хотел портить тебе веселье.

Я замираю, теряясь, и не знаю, что ответить. Внутри меня опять просыпается дикая злость по отношению к нему. Ничего не могу с собой поделаться! Так хочется накричать на него, сказать: «А я ждала! Ждала твоего звонка, хотела услышать твой голос, ты, трус!» Но я подавляю это желание изо всех сил. Стараюсь сохранять спокойное выражение лица, хотя ощущаю, как вспыхнули щеки от его признания.

– Думаю, нам стоит молча доесть и вернуться к работе, – шепчу я хриплым голосом, он не слушается. Слишком сильны эмоции. Я снова берусь за еду.

Алекс молча кивает и тоже опускает взгляд. Между нами ощущается напряжение, повисает недосказанность. Его кабинет не помогает в этой ситуации. Александр будто читает мои мысли и тихо говорит:

– Столько воспоминаний... – Он замолкает, словно спотыкается о слова и жалеет, что произнес это вслух.

– Я пойду работать, – подрываясь с места, сообщаю я.

– Ты не доела.

– Я больше не хочу, – на лету бросаю я.

Общаться с ним сложнее, чем мне хотелось бы... Валентин прав, это как игра с огнем.

Следующий час мы не разговариваем, а чтобы тишина не казалась гнетущей, Алекс включает музыку. Она шумит на фоне, заполняя пространство, в то время как мы с ним похоронены в бумагах.

– Марион, время – одиннадцатый час... Давай доделаем остальное завтра.

– Я только хотела предложить, у меня самой уже голова не варит.

Я начинаю складывать листы, убирать их обратно в папки.

– Брось, завтра все равно опять вытряхивать.

– Нет-нет, я не хочу завтра утром начинать рабочий день с ухмылки Натали и ее нравоучений.

– Оставь. – Алекс ловит мою руку и забирает из нее документы. – Плевать, что думают другие люди.

Я поднимаю голову и смотрю ему прямо в глаза. Без каблуков я едва дохожу ему до плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Никогда! (фр.)

2

Во французской системе высшего образования существуют три ступени: лисанс (бакалавриат), степень мастера (магистратура) и степень доктора (аспирантура). Существуют и другие уровни, в зависимости от особенностей обучения в профессиональной сфере. (Прим. ред.)

3

Parsons School of Design – частная школа искусств и дизайна, расположенная в районе Гринвич-Виллидж на Манхэттене в Нью-Йорке. Является одним из пяти

колледжей новой школы. Школа была основана в 1896 году Уильямом Чейзом в поисках индивидуального художественного самовыражения. Она была первым учебным заведением в стране, предлагающим обучение в области дизайна одежды, рекламы, дизайна интерьера и графического дизайна. Школа предлагает программы бакалавриата и магистратуры.

Среди выпускников Parsons много известных модельеров, фотографов, дизайнеров, иллюстраторов и художников, которые внесли значительный вклад в эти области. Школа является членом Национальной ассоциации школ искусства и дизайна и Ассоциации независимых колледжей искусства и дизайна.

4

Квантан Делион – персонаж книги Даны Делон «Падающая звезда» (АСТ, 2019).

5

Неожиданно (англ.).

6

Сумочка от модного дома «Шанель», представленная Коко Шанель в 1955 году. Отличительными чертами являются ремешок-цепочка, стеганая отделка и бордовая подкладка.

7

Мотоциклы Triumph – старейший и одновременно самый молодой мотобренд Великобритании, основанный в 1902 году и вторично возобновивший свою деятельность в 1991 году. Выпускаемые мотоциклы Triumph: классические, круизеры, родстеры, туристические, туристические эндуро, спортивные и ретро модели.

8

Брассери? – тип французских кафе (Прим. ред.).

9

* Улитка с изюмом (фр.).

10

Буланжери – французская кафе-пекарня (Прим. ред.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/delon_dana/pod-nebom-parizha

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)